

ПАВЕЛ КОЛЬЦОВ

КАК ТЕСЕН МИР

КНИГА 2

МИРОЛЮБИВЫЙ

ПОХОД

18+

Павел Кольцов

**Цикл «Как тесен мир». Книга
2. Миролюбивый поход**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кольцов П. А.

Цикл «Как тесен мир». Книга 2. Миротворительный поход /
П. А. Кольцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Во второй книге цикла Максимов-Нефедов присутствует только в разговорах его знакомых. Вхождение РККА в Восточную Польшу под лозунгом защиты всего ее населения от фашистов (возмущенным немцам поясняется, что это заявляется единственно для большего умиротворения поляков, а все подписанные между двумя странами договоренности остаются в силе). Не всегда мирное продвижение на запад подразделений 36-й легкотанковой бригады с описанием реальных событий, обыгранных в художественной форме. Успешный конец похода и предложение взятым в плен полякам, от которого они не в силах отказаться. 15 глав. Новая глава добавляется через день.

Содержание

1. Большие учебные сборы.	5
2. Первые трофеи.	15
3. Сигнальные ракеты.	22
4. Встреча на перекрестке.	33
5. Полуденный привал.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Павел Кольцов

Цикл «Как тесен мир». Книга

2. Миролюбивый поход

1. Большие учебные сборы.

В головном дозоре из двух пушечных броневых автомобилей БА-10, высланном впереди наступающего на запад танкового батальона майора Персова, за рулем второй машины гордо, с осознанием собственной важности, восседал лучший друг Сани Нефедова по Куряжской колонии и его коллега-шофер по транспортному цеху Харьковского паровозостроительного завода рыжий и веснушчатый Колька Гурин. Передняя броневая заслонка с триплексом была приподнята, и Коля, обдуваемый встречным ветром и редкой пылью, вздернутой передней машиной, с напряжением вглядывался через очки в несущуюся навстречу заграничную незнакомую (хотя, на первый взгляд, и ничем не отличающуюся) страну. Они ни от кого не скрывались. Над каждым броневиком празднично реял небольшой красный флажок, без стеснения указывающий на их принадлежность к Красной Армии освободительнице.

Редкие польские машины и повозки при их приближении быстренько съезжали на обочину. Некоторые местные жители разглядывали их с приветливыми улыбками на лицах или даже махали руками, но большинство все-таки смотрело настороженно: или еще не поняли, как относится к незванным «гостям», или вообще были бы рады не видеть «клятых москалей» на своей земле лет еще эдак триста.

Но не дело Кольки Гурина в политике разбираться. На то другие люди в Советском Союзе имеются. Дан приказ перейти западную границу – перешли. Приказал командир экипажа, он же командир взвода, гнать вперед по шоссе – он и гонит, умело работая рычагами, педалями и баранкой. А сам командир, молоденький лейтенант Владимир Иванович Иванов, откинул вперед широкую полукруглую крышку башенного люка, высунулся по грудь, крышкой же прикрываясь, очки пылезащитные от набегающего потока на глаза надвинул и еще иногда прямо через них в бинокль поглядывает: нет ли впереди засады какой польской опасной. Идут они вторыми, метрах в пятидесяти от передового броневых автомобиля, радиостанция только на этой, на командирской машине, если первый броневик в переделку попадет – надо же будет своим о подстерегающей впереди опасности сообщить.

Границу на своем участке они переходили не первыми. Первыми вперед пошли танки и пехота. Глупые, но храбрые польские пограничники попытались было задержать «нарушителей». И куда им с винтовками и парочкой пулеметов супротив нашей мощной стальной лавины? Кто вовремя руки не поднял и не успел сбежать – быстренько выбыл из списка живущих на этом свете. Колька заметил несколько трупов в незнакомой зеленой форме, уложенных аккуратным рядком вблизи дороги. И небольшую безоружную группу в таких же мундирах, понуро бредущую под малочисленной охраной на нашу сторону тоже рассмотрел.

Еще недавно, в начале этого месяца, Колька спокойно крутил баранку своей полуторки в Харькове и в ус (которого еще не было по причине регулярного пользования бритвой) не дул. Начавшаяся то ли война – то ли не война немцев с поляками, а потом и еще с кучей европейских стран его вообще никаким боком не задевала и, по большому счету, не интересовала. Потом внезапно накатились на него снежным комом неприятности уже личные. Не вышел вовремя на работу после отпуска и вообще непонятно, куда делся лучший друг его Сашка Нефедов. Жена его Клавка вся на соплях да слезы изошла: что с любимым? Оставил только письмо совершенно

непонятное и пропал. Буквально через два дня – арест прямо на заводе. Не успел он свой грузовик в гараж поставить – а его уже в черную чекистскую машину под белы ручки сажают.

И совершенно дурацкие вопросы следователя. Когда Нефедова завербовала германская разведка: еще в Куряжской детской колонии или уже на заводе? А ему, Николаю Дмитриевичу Гурину, гражданин Нефедов когда предложил шпионить на пользу немцев? А жена Нефедова, Клавдия Николаевна Нефедова, когда вошла в шпионскую организацию: до своего супруга или после? А его начальник, Эдуард Павлович Торяник, был знаком с профессором Лебедевым Платоном Ильичом? То есть, каких-либо сомнений у энкавэdistов по поводу шпион ли вообще гражданин Нефедов не было в принципе. В этом у них была стопроцентная уверенность. Им требовалось лишь уточнить некоторые незначительные детали. Все Колькины уверения, что Александр Нефедов – честнейший советский человек, безусловно преданный СССР, Коммунистической партии и лично товарищу Сталину, вызывали у следователя только брезгливую гримаску, как будто он гадость какую-то невзначай раскусил. Его, правда, не били. Чего нет – того нет. Так только, мучили долгими бестолковыми допросами, слепили лампой в глаза до слез и не давали спать. Шантажировать его было нечем: родни никакой, не женат, даже постоянной *любимой* не было, так, все время меняющиеся заводские легкомысленные девчонки.

Пытались угрожать количеством лет лагерной отсидки, если пустят его по более строгой статье. Но Колька уперся и без очной ставки с Сашкой, вообще отказывался признавать его шпионом. Вдруг, без всяких объяснений, – с вещами из камеры на выход. Опытные сокамерники только посочувствовали: не к добру, мол. А ему в кабинете у следователя бац на стол бумагу: подписка о неразглашении того, что с ним здесь происходило. Бац другую – пропуск на волю. Иди ставший снова товарищем Гуринов – работай и лишнего не болтай.

В общежитии, правда, его койка уже оказалась занятой, но не беда – выделили в другой комнате, правда, с незнакомыми мужиками. Пришел на другой день на завод – встретили его товарищи шофера на всякий случай довольно прохладно, но он понимал их боязнь и особо не обижался. Полуторку дали, но уже не свою, а другую, постарше и порасхлябанней. Услышал устаревшие заводские новости. Оказалось, арестовали в один с ним день и его начальника Палыча. И тоже вчера выпустили с указанием отделу кадров восстановить в прежней должности. Во, дела какие непонятные творятся. Очень надеялся, теперь и Сашка объявится – вечером съездил к ним с Клавкой домой. Слегка опавшая от переживаний лицом и телом расстроенная Клавка, к сожалению, была одна. Ее, оказалось, тоже забирали *куда следует* и тоже вчера отпустили. А про Сашку – до сих пор никаких известий.

Только Колька начал ездить на новом-старом драндулете – повестка из военкомата. Прямо на завод принесли. Оказывается, пока он в НКВД на допросах *прохлаждался*, в стране начались какие-то Большие учебные сборы. Армейские. А еще раньше, еще в конце августа, Верховный Совет СССР приняли закон о всеобщей воинской обязанности. Во как. Даже в общежитии после работы вернуться не дали – вместе с несколькими десятками молодых заводских работяг строем повели в районный военкомат. Вечером на поезд и – здравствуй Рабочее Крестьянская Красная Армия, которая «...от тайги до британских морей... всех сильнее».

Хорошо хоть призвали его по специальности – не в пехоту. Как-никак, баранку крутить – тоже уметь надо. Что в Харькове на полуторке ездил, то и в армии за ее же привычный руль уселся. Переодели в новенькую, первого срока, защитную форму (ботинки, правда, были изрядно стоптаны кем-то еще до него), несколько дней отвели воинской учебе, приняли присягу на верность Родине и записали за ним старенький, с потертым ложем и воронением, карабин. На стрельбище водили всего один раз и выдали для обучения такому воинскому искусству всего четыре патрона (первый пробный – три в зачет). Отстрелялся он хорошо, командир даже похвалил. Зря, что ли Колька в свободное от работы время стрельбой в тире Осоавиахима частенько занимался (не совсем, правда, добровольно)? Пока другие вчерашние колхозники и работяги, призванные на сборы, изучали уставы, тактику, оружие и занимались самым важным

в армии делом – строевой подготовкой, Кольке и другим шоферам пришлось крутить баранку. Кому-то ведь нужно было все привозить-развозить? Само не прилетит. Почему-то.

Вот так ехал он как-то со склада с полным кузовом обмундирования и прочего необходимого снаряжения, солнышко светит, птички сквозь опущенные стекла поют, свежий воздух, хотя и пыльный на грунтовой дороге. Красотища... Здорово оказывается на этих учебных сборах. Навроде загородного отдыха. Настроение замечательное (особенно после тюремной камеры). Глядь, а прямо на дороге зеленый под слоем пыли броневик памятником рукотворным застыл и красноармейцы в темно-синих испачканных комбинезонах и черных танковых шлемах на нем и вокруг. По дороге не проехать. Колька с перегазовкой перешел на первую скорость и осторожно съехал на обочину. И чего они стали, путь добрым людям перегораживая? Может, у них маневры такие? Когда мимо проезжал – глянул. Не, не маневры. Сломались родимые. Водитель верхнюю крышку и обе боковые железные створки капота приподнял и копается в середке. Второй, немного постарше, безусый (похоже, командир), из башни, как палец из кукиша, вверх сердито торчит. Третий, с круглым серьезным лицом, прямо на крыше перед башней уселся – смолит папироску. Четвертый, курносый улыбчивый блондин, ребристый шлем снял, верх комбинезона откинул, гимнастерку с майкой стащил и в траве придорожной уселся – загорает.

Колька осторожно своей полуторкой броневик обминул и обратно на дорогу выехал. Только собрался газануть и на вторую скорость переключиться – глянул на прощанье в зеркало заднего вида. Такое лицо понурое у молоденького командира в башне... Видно уже оценивает количество и глубину проникновения предстоящих трындюлей от начальства за задержку в дороге. И решил он незнакомым хлопцам помочь. Трудно ему что ли? А груз, что в кузове, на складе подождут. Это ведь он про запас везет. Тормознул Колька, врубил заднюю, аккуратно сдал к броневика, заглушил мотор и вышел на дорогу.

– Здравия желаю, товарищ командир, – молодежато (в армии, как-никак, хоть и всего несколько дней), сам собой гордясь, вскинул он руку к пилотке. – Красноармеец Гурин. Разрешите полюбопытствовать: сломались?

– Сломались, – кивнул с пушечной башни расстроенный лейтенант (Колька только теперь рассмотрел под комбинезоном у него по два кубаря на петлицах).

– Разрешите попробовать вам подсобить? – улыбнулся, сияя веснушками ярче висящего над головой солнца, Колька.

– Разрешаю, – с надеждой тоже улыбнулся в ответ молоденький лейтенант. – Попробуйте, красноармеец Гурин. Мой водитель уже больше часа возится.

– Есть, попробовать, – опять радостно козырнул Колька и стал закатывать рукава. – Что тут у тебя? – спросил он хмурого, перемазанного маслом даже в неожиданных местах красноармейца.

– Да хрен его знает, – пожал тот неширокими плечами. – Стартер крутит – а двигатель не хватает.

– Искру проверял? Есть?

– Есть.

– Свечи?

– Выкручивал. Все в норме.

– Бензин поступает?

– Топливный фильтр был забит. Я разобрал. Прочистил. Все равно не запускается.

– А бензиновой помпы у тебя тоже нет? А где бензобак?

– Эх ты, деревня. На БА-10 бензобаки располагаются вверху в кабине, между отделением управления и боевым. Топливо поступает тем же самотеком, без помпы.

– Понял. Буду знать. Но я не деревенский – городской. Карбюратор разобрал?

– А зачем?

– Зачем... – передразнил Колька. – Сам *деревня*. На что хошь спору: жиклеры у тебя в карбюраторе засорились. Давай ключи и кусок брезента расстели. (Колька споро отсоединил громоздкую черную емкость воздушного фильтра, снял и разобрал на куске брезента карбюратор). – Насос неси.

– Какой насос? – удивился водитель.

– Колеса ты чем подкачиваешь? Ртом? Или задницей?

– А-а-а, все-таки ты *деревня*, – обрадовался Колькин собеседник, что и в этом он опытнее рыжего наглого выскочки, – зачем нам насос? Бронеавтомобиль БА-10 – это тебе боевая машина, а не в тылу тушенку или, скажем, рваные портянки развезить. По нам в бою стреляют, знаешь ли. Поэтому покрывки заполнены специальной губчатой резиной. Их не подкачивают. И насос в комплект инструмента не входит. Понятно?

– Понятно, – кивнул нисколько не смутившийся Колька. – Интересно, а сколько раз по тебе уже стреляли? А?

– Пока еще не стреляли, – смутился уже водитель. Колька пошел к своей полуторке и вернулся с насосом.

– Качай, – сунул водителю насос Колька, и они вдвоем старательно продули все жиклеры разобранного карбюратора. Потом Колька заглянул в воздушный фильтр.

– Ты когда последний раз в нем масло менял, *городской*? (Водитель молча пожал плечами). Ты ж по грунтовке едешь. Пыли вон сколько. У тебя ж в емкости фильтра уже не масло, а битум какой-то. Хоть асфальт укладывай. Запасное масло есть? В картере у тебя такое же.

– Нам не давали, – опять пожал плечами красноармеец. – На это служба снабжения имеется. А дома, в МТС, у нас этим слесаря занимались. Мое дело – баранку крутить.

– У нас в гараже на заводе машинами тоже слесаря занимались, – кивнул Колька. – Но в дороге, если станешь, где слесаря взять? Самому тоже знать надо и уметь. И масла запас никогда не помешает. Мало ли, что в пути сломается.

Колька вычистил воздушный фильтр от грязи, потом принес из своего ящика для инструментов небольшую заныканную канистрочку с маслом и бутылку с керосином. С помощью ветоши тщательно промыл керосином фильтр и карбюратор. Вытер все насухо. Залил масло в черную емкость воздушного фильтра и собрал. Поставил все на место. Открыл краник поступления бензина.

– Ну, что стоишь? – улыбнулся он водителю. – Заводи!

Красноармеец, наступив на приваренную ступеньку, забрался в кабину. Зашумел, раскручиваясь, стартер и буквально сразу затарахтел оживший двигатель. Водитель погазовал, проверяя обороты, и, выключив зажигание, смущенный вылез наружу. Не поблагодарив и, не замечая стоящего рядом сияющего веснушками и белыми зубами Кольки, стал закрывать бронированные створки и крышку капота, собирать свой инструмент и брезент. Из башни выбрался на крышу броневика и прыгнул на дорогу повеселевший командир.

– Молодец, товарищ красноармеец, – радостно похлопал он Кольку по плечу, презрев требования устава, – спасибо тебе.

– Да, чего там, – продолжал улыбаться Колька, – всегда, пожалуйста. То есть, – решил он слегка проявить знания, полученные за несколько дней учебных сборов, и вскинул замазанную ладонь к пилотке, – Служу Советскому Союзу!

– Курите, – командир встряхнул и протянул ему пачку папирос. Колька осторожно, стараясь не испачкать пачку грязными пальцами, зацепил одну высунувшуюся вверх белую гильзу. Лейтенант взял себе вторую, поделился огоньком с Колькой и с наслаждением затянулся сам. – Вы где служите? – спросил он.

– В 36-ой легкотанковой бригаде, в 1-ом танковом батальоне, в хозяйственном взводе.

– У майора Персова? Так мы с вами из одного батальона, получается. Я комвзвода бронеавтомобилей лейтенант Иванов. Вы кадровый или на сборы призваны?

– На сборы.

– Откуда так хорошо в двигателе разбираетесь?

– А что тут разбираться? Он почти один в один, как в моей полуторке, только, как я только что узнал, без бензонасоса. А полуторку я знаю лучше своих пяти пальцев. Не один год ездю. Без хвостовства – любую поломку устраню. Были бы запчасти.

– Забыл: как вы сказали, ваша фамилия?

– Гурин. Красноармеец Гурин, товарищ лейтенант. Разрешите продолжать движение?

– Разрешаю, товарищ Гурин. Красноармеец Гурин. Продолжайте. И спасибо вам еще раз.

В этот же вечер его позвали к командиру взвода. Взводный приказал сдать старшине автомобиль, карабин (который и так стоял в общей пирамиде в оружейной комнате), подсумки для обоев, спальные принадлежности и, согласно приказу комбата товарища Персова, явиться для дальнейшего прохождения учебных сборов к командиру броневзвода капитану Емельянову.

Радостный Колька (боевая машина вместо грузовика!) быстренько собрал свой не хитрый солдатско-шоферский скарб, потихоньку прихватив, между прочим, и кое-что из инструмента и ремкомплекта своей уже бывшей полуторки, и отбыл к новому месту службы.

– Ну что, товарищ Гурин, – приветствовал его, сидя за столом, ярко освещенным лампочкой под жестяным абажуром, скуластый, даже вечером пахнувший «Шипром» молодцеватый капитан. Приказано на время военных сборов зачислить вас водителем в экипаж лейтенанта Иванова. Будете управлять машиной взводного.

– Есть, товарищ капитан, – радостно козырнул Гурин, – управлять машиной командира взвода лейтенанта Иванова!

– Понравились вы Иванову. Просил он за вас. Вы, я вижу, тоже рады. А справитесь? Броневзвод – это все-таки – не полуторка, хоть и на ее модернизированной версии и создан. Потяжелее будет. В управлении сложнее и привередливее. И, «если завтра война» – воевать на передовой придется, а не грузы в тылу развозить.

– С управлением, товарищ капитан, уверен, справлюсь. Чуть потренируюсь и справлюсь. Я дюже хваткий ко всему новому. Вот увидите. А «если завтра война», то я так считаю: от судьбы не уйдешь. Пуля или снаряд и в тылу найти могут, если суждено.

– Правильно считаете, товарищ Гурин. Ужинали?

– Так точно, товарищ капитан. Ужинал.

– Тогда так. Найдете свой экипаж, заодно и смекалку проявите, – устройтесь на ночлег. А завтра с утра, после завтрака, первым делом обращаетесь к ротному старшине товарищу Баланде. Он вас экипирует, как у нас положено. Потом – служба. Все поняли?

– Так точно, товарищ капитан. Найти свой экипаж, утром обратиться к старшине Баланде за экипировкой и служить! Разрешите выполнять?

– Разрешаю, – кивнул капитан и углубился в свои бумаги.

Языкастый Колька быстро нашел свой экипаж и познакомился с новыми товарищами: светловолосым курносый смешливым радиотелеграфистом-пулеметчиком Олегом Голошаповым и серьезным коренастым башенным стрелком Генной Минько. Больше всех был доволен молоденький интеллигентного вида командир машины, а заодно и комвзвода броневзвода лейтенант Иванов.

Наутро, сразу после обильного, но не очень вкусного завтрака (да ему не привыкать), с разрешения командира, Колька отправился на поиски ротного старшины. Нашел. Недовольный темноволосый усатый дядька далеко за тридцать сперва стал возмущаться, что склад пуст, ничего нет, еще не подвезли, и пусть красноармеец Гурин продолжает проходить свои недолгие учебные сборы в ботинках с обмотками без всяких положенных по штату экипажам броневзводов дополнений в обмундировании, амуниции и личного оружия.

На что Колька, по-прежнему лучезарно улыбаясь, не спорил, согласился с совершенно справедливым мнением многоопытного старослужащего старшины, но пообещал сию же минуту сбегать к ротному командиру товарищу капитану Емельянову и поделиться этим старшинским мнением уже с ним. Незлобиво матерясь дорогой, старшина отвел бойца Гурина в свою каптерку и выдал (как от сердца свое собственное, кровью и потом выстраданное, отрывал) изрядно ношенные сапоги с двумя парами свежих портянок, темно-синий уже испачканный комбинезон, черный танкистский шлем, противопылевые очки и сильно потертую светло-коричневую кобуру. Личное оружие, еще дореволюционный наган 1916 года выпуска, под номером *****, сказал старшина, будет теперь значиться за ним, но храниться по-прежнему в оружейной комнате.

Колька переобулся, с гордостью нацепил потертую пустую кобуру на ремень и, оставив старшине, в виде подарка, свои тоже не первого срока ботинки с брезентовыми обмотками, отправился нести службу на новом месте.

Как он и обещал капитану Емельянову, за несколько дней с помощью товарищей по экипажу и водителей других броневиков взвода, Колька вполне освоился с бронемашинной и ее не таким уж и сложным управлением. Понравилось ему далеко не все. Водить броневик, конечно, почетнее, чем полуторку, но комфорта в разы меньше. Дерматиновое сиденье неудобное, жесткое, в движении непривычно жарко от двигателя даже при полностью открытой лобовой заслонке (по-походному). Когда попробовал двигаться в боевом положении, при закрытой заслонке, – почувствовал себя вообще невыносимо, тяжелее, чем в парной под самым потолком. Да еще и смотреть на дорогу через узкую щель, закрытую пулестойким стеклопакетом (триплексом), оказалось тем еще «удовольствием»: видимость маленькая, глаза напрягаются и очень быстро устают.

Еще больше «обрадовал» своими рассказами развеселый радиотелеграфист-пулеметчик Олег Голощاپов. Сам-то он кадровый, в армии второй год, не воевал, но от каких-то других товарищей слыхивал о недавнем боевом применении таких же броневиков в Монголии. Так вот, не то, что руки-ноги, – голову бы оторвать конструктору, который придумал бензобаки ставить под крышей за спиной у водителя и пулеметчика. Неужели другого места для них не нашлось? Один бронебойный снаряд пробивает броню – взрывается внутри – его осколки дырявят бак – и водитель с пулеметчиком щедро орошаются бензином и сгорают, даже, если их помилуют сами осколки. Спасения нет. Иногда, с близкого расстояния, хватает и одной пули из крупнокалиберного пулемета или обычного калибра, но бронебойной. А если при движении по-походному, при открытой лобовой заслонке, враг пульнет через окошко обычной винтовочной пулей и даже ни в кого из экипажа, допустим, не попадет – только лишь бак пробьет? Результат от раскаленной в полете пули, может быть тем же. А не будь там бака, от одной пули или осколков снаряда, глядишь, и не пострадали бы. Или отделались только ранениями.

Кроме того, передняя стенка бака за спиной пулеметчика не дает ему полностью выдвинуть складной приклад – стрельба получается не очень меткая. И о чем или каким местом эти конструктора только думали? Командир говорил: на заводе итоги монгольских боев учли – сейчас, вроде бы, начинают выпускать улучшенные машины с бронированными бензобаками снаряды, на задних крыльях. Дай-то бог, которого, как он, комсомолец Голощاپов, знает, конечно же, нет. Но, «если завтра война» – их экипажу придется героически сражаться (а, возможно, и погибнуть) именно на этом пожароопасном «чуде» советского бронеавтопрома. Нет, нет! Он, красноармеец Голощاپов, вовсе не ругает советскую промышленность. Но такую дурь, как внутренние бензобаки прямо наверху за спиной, могли придумать и пустить в производство только враги народа или полные кретины!

Поразмыслив над услышанным, новоиспеченный водитель бронеавтомобиля красноармеец Гурин с мнением радиотелеграфиста-пулеметчика Голощاپова согласился. Но проситься обратно на полуторку даже и не подумал (да и кто бы ему это разрешил?). Сколько там тех

учебных сборов? Месяц? Два? Да, и войной который год пугают... С детских лет только и слышишь все время: вот-вот нападут подлые буржуины-империалисты. А они все как-то не нападают и не нападают. Военные конфликты, где наша непобедимая и легендарная Красная Армия сражалась, – так они далеко от наших границ были: Испания, Монголия, Китай. Не дрейфь, Колька, прорвемся!

И вот – прорвались. Пока, правда, всего лишь через границу с Польшей. Да и прорывались не они – они лишь в уже *прорванный* прорыв спокойно вошли. Командир, лейтенант Иванов, приказал двигаться на максимальной скорости и по-походному. Переднюю и боковые заслонки открыли для вентиляции, немного пыльный от первой бронемашины встречный ветер обдувал, но полностью от жары совершенно не спасал. Проскользнула одна небольшая, хотя и подленькая мыслишка: если впереди засада – первыми сожгут не их. Устыдился такой подленькой мыслишки Колька. Он вторым ехать не просился – так командир приказал. Не его в этом вина.

Вчера загрузили в броневик полный боекомплект: почти полсотни (49) снарядов к 45-мм пушке и 33 собственноручно набитых патронами толстых трехрядных диска к двум пулеметам ДТ. Патроны старшина выдал и к личному оружию, которое из оружейной комнаты быстро перекочевало в кобуры. Колька с удовольствием зарядил камеры барабана своего старенького нагана золотистыми латунными патронами с полностью утопленными в зауженные к концам гильзы плоскоголовыми пулями. 14 патронов, полное содержимое картонной пачки, поместились в специальном кармашке потертой кобуры. Еще три с половиной пачки он спрятал про запас в свой вещевой мешок.

Жаль, мало ему пришлось попрактиковаться в стрельбе из револьвера. На стрельбище водили только один раз. Выдали, как и в случае с карабином, четыре патрона и стреляй в свое удовольствие, сколько хочешь: один выстрел пробный – три в зачет. Из нагана Колька отстрелялся, стыдно вспоминать, гораздо хуже, чем из карабина. Практика нужна, опыт. Интересно, а пулеметчик и командир из вооружения самого броневика метко стреляют? От этого, как никак, теперь и Колькина жизнь напрямую зависит.

Вдали на встречной полосе шоссе показалась пешая темно-зеленая колонна, похоже – польское войско. Передний броневик немного сбавил ход, его комэкипажа Сердюк, в звании отделенного командира, обернулся ко второй машине и показал рукой вперед, на колонну. Лейтенант Иванов по танковому переговорному устройству (ТПУ) велел сбросить скорость и своему водителю. Через время передний броневик остановился; Иванов приказал Кольке медленно выехать на встречную полосу движения, в лоб полякам, и тоже стать, не доезжая до первой машины метров двадцать. Остановилась перед ними и польская колонна, но в стороны не рассыпалась и к бою явно не готовилась. Винтовки продолжали мирно висеть у солдат за плечами.

– Значит так, – услышал Колька в наушниках шлемофона голос командира. – Я сейчас пойду – пообщаюсь с панами поляками. Минько, остаешься старшим в экипаже. Пересядешь на мое место. Следить внимательно. И за поляками и за мной. Зарядить осколочным без колпачка и навести на колонну метров на двадцать дальше от первой шеренги. Если я сниму с головы шлемофон – стреляй, обо мне не думай. Голощапов, выходи на связь с батальоном и сообщи о встрече примерно с ротой пехоты почти сразу за... Какой мы пункт проехали? – Иванов сверился с вложенной в палетку картой, – за Листвином. Если начнется бой, – сразу же им сообщишь. Свой пулемет тоже к стрельбе подготовь. Гурин, двигатель не глуши, близко к себе никого не подпускай, начнется стрельба – закрывай все заслонки в кабине и створки капота. Над двумя машинами старшим остается отделенный командир Сердюк. Ну, я пошел.

Иванов поднял очки на шлемофон, волнуясь, расстегнул кобуру нагана, а потом снова застегнул ее шлейку на шпенек: пусть не думают паны поляки, что боюсь. Вытащил штекер шлемофона из разъема. Зачем-то заглянул в планшет, где среди прочего хранилось, как он

надеялся и, как убеждал политрук роты товарищ Рыбкин, «самое мощное оружие»: пачка листовок с заранее переведенной на польский язык речью товарища Молотова в сокращенном виде и выбрался из башни через верхний люк.

Немногочисленное польское войско в составе пехотной роты, прекратив движение, спокойно стояло на месте. Подойдя к передней машине, лейтенант Иванов велел выглядывающему из башни отделенному Сердюку командировать в его распоряжение своего пулеметчика Никитина, сносно разговаривающего по-украински. Распахнулась правая дверца броневика, и на дорогу прыгнул невысокий ладный пулеметчик.

– Пушку и пулеметы изготовить к бою, – негромко распорядился лейтенант. – Если я снимаю шлемофон – начинай воевать. Первый выстрел осколочным без колпачка даешь по колонне метров за тридцать от ее начала. Потом – по обстановке. Подойдут ближе – картечью. О нас с Никитиным не заботишься, главная задача – сохранить машины. Если, что со мной – общее командование дозором на тебе.

– Никитин, – сказал Иванов, уже направляясь к полякам, – улыбаемся. Ты просто моя свита. Для солидности и для перевода. Надеюсь, украинцы у них имеются. Твое дело переводить и улыбаться. От меня не отходить и на провокационные вопросы не отвечать. Будут что спрашивать лично тебя, – ссылайся на командира, на меня, и опять-таки улыбайся.

Когда до колонны оставался десяток метров – им на встречу вышли тоже двое: один, явно офицер, с тремя звездочками на погонах и в фуражке с жесткой угловатой тульей, другой носил на погонах по две нашивки, а на голове мятую, но тоже угловатую, а не привычно круглую, фуражку. Приблизились. Офицер четко вскинул два отставленных пальца к голове и представился. Иванов разобрал только фамилию – Ольшевски.

– Капитан Ольшевский, – перевел на русский второй поляк. – Капрал Погребняк, – представился сам, тоже ловко козырнув двумя пальцами.

– Лейтенант Иванов, – отдал честь всей ладонью Иванов.

– Красноармеец Никитин, – козырнул за командиром пулеметчик, но паны поляки даже не удостоили его взглядом.

Иванов, продолжая доброжелательно улыбаться, открыл планшет, достал два экземпляра «самого мощного оружия» и вручил обоим панам. Какое-то время у них ушло на чтение и соображение. Запшекал непонятными словами капитан.

– Пан капитан просит пана лейтенанта подтвердить: Красная Армия действительно идет в Польшу, чтобы помочь нам воевать с германцами? – спросил капрал.

– Переведи пану капитану, что мы вошли в Польшу не как захватчики, а как защитники. Или пан капитан надеется, что каким-нибудь чудом Польша сама победит фашистов? Где помощь Англии и Франции? Разве они наступают на Германию? Уже две недели, как войну объявили, а даже, как ему достоверно известно, союзным солдатам не раздают боевые патроны. Где польское правительство? Не ваш ли президент первым сбежал из Варшавы, как только немцы перешли границу?

– Варшава еще держится, – перевел капрал своего капитана.

– *Еще!* – выделил одно его слово Иванов. – Поляки очень храбрые и умелые солдаты. Вот только с собственным руководством и с союзниками им явно не повезло. Пан капитан прекрасно и сам знает, как бестолково обстоят у них дела в организации обороны от немцев.

– Вы будете вместе с нами сражаться с немцами? Об объявлении Советским Союзом войны Германии в речи пана Молотова ничего не говорится.

– По обстоятельствам, – сделал солидное лицо лейтенант Иванов. Возникнет такая необходимость – будем.

– Что Советский Союз предлагает делать польской армии на территории занимаемой Красной Армией?

– На какое-то время, краткое время, вам придется сложить оружие. Красная Армия, быстро продвигаясь на запад, войдет в соприкосновение с германскими войсками и остановит их. С боями или без – это уж, как получится. Но поляки в этом советско-германском противостоянии участвовать категорически не должны. Таков приказ Советского правительства и требования сложившейся весьма непростой международной обстановки. Если польские части, вопреки пользе для собственной страны, будут препятствовать мирному продвижению Красной Армии – ей, к сожалению, будет применено оружие.

– Рота под командованием пана капитана движется походным маршем в направлении восточной границы по приказу пана полковника Грыня. В бой с Красной Армией пан полковник приказывал не вступать. Что нам рекомендует делать пан лейтенант?

– Я вам, пан капитан, настоятельно рекомендую отвести свою роту с дороги в поле, благо урожай с него вашими крестьянами уже собран, и устроить привал. Винтовки составьте в козлы, рядом сложите пулеметы, патроны, гранаты и прочее оружие, боеприпасы и амуницию. За нами следует наш танковый батальон в составе танковой бригады. Он уже скоро будет здесь. Вам расскажут, что делать дальше. Да, и воткните перед собой на обочине какой-нибудь белый флаг. Чтобы точно избежать каких-либо недоразумений.

– Вы предлагаете нам капитулировать?

– У нас приказ, не оставлять в своем тылу вооруженные польские части. Поймите нас правильно. Я искренне уверен, что это сугубо временная мера. На всякий случай. Когда Красная Армия войдет в соприкосновение с фашистами и защитит восточную часть Польши от поражения Германией – у вас восстановится порядок и, надеюсь, после определенной проверки большая часть польских солдат и офицеров продолжит воинскую службу, или будет демобилизована и распущена по домам.

– А если дом пана капитана на той стороне, – капрал махнул рукой на запад, – под германцем?

– Извините, пан капитан, но это уже не в моей компетенции, – пожал плечами лейтенант Иванов.

– Пану капитану нужно переговорить со своими офицерами, – сказал капрал. – А мы с вами давайте постоим, покурим.

Лейтенант Иванов достал из планшета и протянул пану капитану еще листовки. Пан капитан их взял, вежливо козырнул и зашагал к своей роте, впереди которой сгрудились, судя по погонам со звездочками и жестким головным уборам, несколько офицеров. Капрал достал пачку сигарет и предложил красному командиру и его сопровождающему. Иванов и Никитин угостились, лейтенант в свою очередь угостил поляка папиросами «Казбек» из мятой пачки. Закурили.

– Откуда вы, пан капрал, так хорошо знаете русский? – спросил Иванов просто, чтобы не стоять молча. – Совершенно чисто говорите.

– Я вырос в Перемышле. Семья у меня русско-украинская. Дома говорили по-русски. В ремесленном училище – тоже.

– Ясно, – кивнул Иванов, глубоко затягиваясь и не особо понимая: о чем с поляком говорить можно, а о чем – нежелательно. Пан капитан дошел до своих офицеров и раздал им листовки с речью Молотова.

– А как у вас в Советском Союзе живетесь? – спросил, ехидно улыбаясь прищуренными глазами, капрал. – А то у нас разное рассказывают. Не знаешь, прямо, чему и верить.

– Да, хорошо живетесь, – решительно стал на защиту своей Родины лейтенант. – Капиталистов и помещиков – нет. Частной собственности – нет. Всё: земля, заводы, дома, леса – всё общее, всё народное.

– А колхозы – это хорошо или плохо?

– Конечно, хорошо. Сообща все делать легче: и землю обрабатывать, и скот выращивать и птиц разводить.

– А у нас рассказывали – жуткий голод по деревням был от этих ваших колхозов. Насильно, мол, крестьян туда загоняли, землю, зерно и скот отбирали и городских коммунистов, ничего в этом не соображающих, управлять присылали.

– Да, байки все это, – влез в разговор Никитин, забывший, что ему приказано молчать и тоже решивший отстаивать честь родной страны. – Вражки сплетни. Я сам деревенский. Колхозник. Ты, приятель, еще скажи, что у нас и бабы общие, – ловко увел он разговор в другую сторону.

– Ну, да, – кивнул улыбающийся капрал, – и такое о вас слышал.

– Вот жаль, – шутливо всплеснул руками Никитин, – что до нашего колхоза это прекрасное новшество не так и не добралось, что мою постылую бабу до сих пор не обобществили. Все сам да сам, как последний дурень, с ней уже который год мучаюсь. А было бы, как у вас тут про нас рассказывают: всех баб в одну избу и приходишь по очереди любую, когда душе или телу потребуется. А домой с поля вернешься – свобода: никто тебе плешь руганью не проедает, никто ухватом не грозит, никто ничем не попрекает... Поел на общей колхозной кухне и отдыхаешь себе спокойно в хате без бабьего и детского визга. Или с мужиками за стаканом первача хоть до утра о житье-бытье и мировой политике рассуждаешь. Вот была бы у меня житуха...

Вернулся капитан. Что-то неразборчиво пропшекал.

– Пан капитан говорит, – перевел посерьезневший капрал Погребняк, – что офицеры его роты согласны сложить оружие. И ждать подхода основных сил Красной Армии. Офицеры спрашивают: можно ли им оставить личное оружие?

– Думаю, можно, – кивнул довольный, что обошлось без боя, лейтенант Иванов. Оставляйте. Честь имею, – вспомнил он выражение царских офицеров из фильмов о Гражданской войне и козырнул. – Нам нужно двигаться дальше.

Попрощавшись, каждый вернулся к своим. На обратном пути лейтенант Иванов почувствовал, что у него слегка дрожат ноги и пот не ручьем, а целой рекой, стекает по спине вдоль позвоночника. Довольный, что поляки сдались без боя, лейтенант даже забыл отругать Никитина, нарушившего его приказ о молчании.

Бронеавтомобили медленно, чтобы не пылить на добровольно смирившихся поляков, покатали дальше на запад. Польская рота отошла с дороги и стала готовиться к привалу: солдаты споро составляли винтовки в козлы и снимали амуницию. Кое-кто приветливо махал проезжающим советским броневикум руками, фуражками и пилотками. Что-то, не разбираемое за рокотом моторов, кричали.

– Вот это я понимаю – война, – похвалил по внутренней связи Голощапов. – молодцом, товарищ лейтенант. Поговорили – и целая стрелковая рота сдалась. Ни единого, мать их польскую богородицу, выстрела!

– Моей заслуги здесь нет, – заскромничал товарищ лейтенант, – это все речь товарища Молотова так на них подействовала. Олег, а ты с батальоном связался?

– Так точно, командир, связался. Удалось. Передал, как вы приказывали, о встрече с пехотной ротной колонной.

– Теперь передай, что поляки согласились сложить оружие без боя и ждут подхода наших сил. Следуем дальше в направлении на Дубно. Вперед.

2. Первые трофеи.

И они следовали. Проезжая мимо лесочка, отстоявшего справа от дороги метров на триста, Колька сквозь равномерное урчание своего мотора услышал постороннюю трескотню, но вначале не придал ей никакого значения. Лейтенант, хоть до этого и ни разу не бывавший под обстрелом, среагировал быстрее – присел на сиденье и скрылся внутри башни, успев до этого снять со стопора и захлопнуть за собой верхний полукруглый люк.

– Закрывать заслонки, – приказал он. Колька, не убирая газ, повернув ручки, опустил сперва лобовую, потом левую боковую, за ними прикрыл и створки радиатора; Голощاپов закрыл свою в дверце справа. Без притока свежего воздуха сразу припекло. В первом броневике Сердюк тоже нырнул в башню. – Скорость не сбавлять, – продолжил Иванов. Осколочный. Без колпачка.

Минько, утопив пальцем тугой инерционный предохранитель пушки, многократно отработанным движением дернул назад короткую рукоятку затвора и опустил запирающий клин, открыв голодный зев зарядной камеры. Взял из боеукладки осколочный снаряд, уже побывавший сегодня в пушке, опять снял с него колпачок и вогнал на знакомое ему место. Фланец гильзы, вошедшей до упора, запустил работу автоматического запираения затвора, и вертикальный клин под действием пружины поднялся вверх, закрыв зарядную камеру со снарядом и взведя попутно ударник. (При стрельбе без колпачка осколочная граната взрывается моментально при встрече с препятствием, давая максимум осколков; а с колпачком – с небольшим замедлением, позволяющим ей проникнуть вглубь препятствия перед разрывом, производя больше фугасное действие).

– Осколочный. Готово, – отчитался Минько. Иванов всю крутил по сторонам панорамным перископом, всматривался, пытаясь обнаружить врага. Колька не видел ничего, кроме узкого участка дороги перед собой и кормы броневика Сердюка метрах в пятидесяти. В узкую левую щель ему тоже ничего стоящего внимания не наблюдалось. Пулеметная трескотня справа продолжалась. К ней добавились и одиночные беспорядочные выстрелы. Как горохом, совершенно безвредно, наконец-то сыпануло по боковой броне. Напряженно вглядывались в свои узкие закрытые триплексами боковые щели и Голощاپов с Минько.

– С опушки леса бьют, – наконец определил Иванов. – Стой.

Колька затормозил. Командир, действуя обеими руками, выключил стопоры башни и пушки, задействованные на время движения и, быстро работая маховиком на второй скорости, повернул башню вправо, в сторону леса, почти на 90°. Для большей точности переключил скорость поворота башни на первую, в два раза более медленную и, покинув вращающийся панорамный перископ, уперся лбом в налобник телескопического прицела, совмещенного с осью орудия. Наведя двумя маховиками перекрестье прицела на мелькающий огонек пулемета сначала по горизонтали, а потом и по вертикали, нажал правой ногой на педаль пушечного спуска. Оглушительно грохнул выстрел башенной сорокапятки.

Более короткая, чем при стрельбе бронебойным снарядом, отдача откатившейся назад пушки, как ей и подобает, не смогла самостоятельно открыть клиновой затвор. Натасканный в учении до автоматизма Минько опять дернул за рукоятку затвора – выскочившая горячая гильза, звонко цокнув о тыльную часть гильзоулавливателя, провалилась в его подвешенный снизу брезентовый мешок. Едко пахло сгоревшим порохом. Башенный стрелок, как и положено, если командир молчит, опять зарядил пушку осколочным без колпачка.

Колька результата первого для их броневомобиля боевого выстрела не видел. Он только слышал в наушниках шлемофона переговоры командира и стрелка. Еще ему было видно, что броневик Сердюка тоже остановился и, повернув башню вправо, также влупил из пушки по лесочку.

Первый разрыв выстрела лейтенанта Иванова лег ближе сверкающего огонька и левее метров на десять. Вражеские пули продолжали безвредно цокотать по броне. Иванов слегка подкрутил маховики и снова надавил ногой на педаль спуска. Бах! Огненно-дымный невысокий куст ненадолго вырос почти на месте мелькающего огонька пулемета. Стук пуль по броне прекратился. Треск очередей и мелькание огонька – тоже. Еще, на всякий случай, не меняя наводку, два беглых. Бах! Бах!

– Коля, медленно вперед, – скомандовал Иванов, оставив последний снаряд в стволе, и, повернувшись к панорамному прицелу, стал внимательно осматривать опушку леса по обе стороны от уничтоженной пулеметной точки.

Перед тем, как тронуться с места, Колька машинально, как раньше в наружное зеркало полуторки, глянул в левую боковую щель дверцы, прикрытую бронестеклом. За ней мелькнула фигура подбегающего человека в чужой темно-зеленой форме с чем-то горящим в руке.

– Слева! – перепугано заорал Колька и вместо первой передней передачи врубил заднюю. Полный газ. Завизжали, проворачиваясь на щебенчатой дороге, покрывки и тяжелый броневик дернулся, разгоняясь, назад. Теперь Колька ясно видел бегущего к ним по дороге поляка уже через лобовую щель. Заметил его и Голощапов – рядом оглушающе затарахтел его курсовой пулемет – пустые гильзы глухо застучали, ссыпаясь в постепенно растягивающийся вниз брезентовый мешок улавливателя. Поляка сломанной куклой отбросило назад, его бутылка с примотанной к горлышку горячей тряпкой упала на дорогу, лопнула и пыхнула высоким огненным грибом. Колька продолжал ехать задним ходом, стараясь не слететь с дороги; слева из-за копен соломы, стоящих метрах в двадцати от обочины, на дорогу через неглубокий кювет выбегали еще несколько человек. Длинные очереди взбудораженного смертельной опасностью Голощапова. Едкая вонь пороховых газов. Все нападающие попадали. Убиты или притаились. На обочине полыхнул в небо еще один бензиновый гриб. Командир вовсю крутил панорамным перископом, выискивая возможные опасности.

– Стоп, – приказал он. – Олег, упавших поляков видишь? Из пулемета достанешь?

– Вижу, – ответил Голощапов. – Достану.

– Проверь их короткими.

– Есть, проверить короткими, – ответил Голощапов и по очереди отстрелялся двумя-тремя патронами по нескольким лежащим на дороге, на обочине и в поле неподвижным телам. Один поляк дернулся. По нему Голощапов добавил еще. Другой, не дожидаясь очереди, вскочил и бросился бежать влево. – Этого не достану, командир, – крикнул пулеметчик. – Уже в мертвой зоне. Из своего пулемета попробуйте.

Лейтенант переключился на вторую скорость и быстро завертел маховиком, разворачивая башню влево.

– Гена, – сказал он при этом стрелку, – Я наведу грубо, с опережением, а ты берись за пулемет и поупражняйся.

Но поупражняться в стрельбе из спаренного пулемета Минько не успел: бегущего поляка раньше срезал такой же пулемет из быстрее развернувшейся башни первого броневика. Выстрелы прекратились, в усилившейся жаре, тяжело отягощенной еще и удушливой едкостью сгоревшего пороха, сквозь шлемофон Кольке слышалось только слабое тарактенье собственного мотора на холостом ходу. Лейтенант Иванов внимательно осматривался вокруг, медленно вращая панорамный прицел.

– Не нравится мне что-то первый ряд копен у дороги, – сказал он. – Не к месту они здесь как-то. Да и форма у них неаккуратная и размер меньше. В них, похоже, как раз выскочившие на нас поляки и таились... Так, снаряды тратить не будем, а из пулемета я сам весь ближний ряд прошуаю. Здесь меткость не нужна. Олег, а ты свой диск смени, в нем уже патроны должны заканчиваться.

– Есть, сменить диск, – отозвался Голощапов и заклацал железом.

Лейтенант повернул маховиком башню; опустил спаренную установку и, перенеся ногу с левой педали пушечного спуска на правую пулеметного, прошелся очередью в полдесятка патронов по ближайшей копне в полуметре от земли. Из-за соседней копны, не дожидаясь обстрела, выбрался в сторону дороги безоружный поляк в каске с поднятыми руками. Сдающегося пана Иванов не тронул и перешел к третьей копне.

Бронеавтомобиль Сердюка, повторяя действия командира, тоже развернул башню и стал прочесывать пулеметным огнем ближайший к нему стожок. Из него вспугнутым зайцем выскочил в поле и помчался прочь, нелепо вскидывая ноги в коротких обмотках, высокий поляк. Башня Сердюка слегка повернулась в его сторону – скупая очередь, отчетливо прошедшаяся темным пунктиром по его спине – поляк рухнул. Из-за остальных копен, видно поняв, что бегством не спастись, а продолжать прятаться – получить пулю, выбрались еще несколько безоружных солдат в касках с поднятыми руками.

– Прекратить огонь, – скомандовал Иванов. Покрутил во все стороны панорамой – ничего тревожного не увидел. Откинул крышку башенного люка вперед (мерзко пахло горелым мясом) и осторожно выглянул наружу. Высоко не высываясь, внимательно осмотрелся в бинокль. Поляки с поднятыми руками самостоятельно сгруппировались в небольшую кучку на краю сжатого поля: вместе, наверное, им было не так страшно. Две разбившиеся бутылки с бензином на дороге и обочине уже практически догорели. На месте недавних огненных грибов еще тлели в черных ошметках мундиров два обуглившись труп их незадачливых метателей.

– Значит так, – сказал Иванов, опуская бинокль и сверяясь с картой в палатке, – Олег, передай в батальон. Между селами Костянец и Липа нарвались на засаду. Из лесочка, расположенного справа, по нам был открыт ружейно-пулеметный огонь. Остановились для уничтожения противника. Прямым попаданием уничтожили пулеметную точку. В это время из-за копен сена, слева от дороги подверглись нападению поляков-поджигателей с бутылками бензина. Часть нападающих уничтожили, часть сдалась. У нас потерь нет.

– Есть, командир. Передаю.

– Я иду к панам, – продолжил лейтенант. – *Побеседую*. Всем смотреть в оба. Коля, а ты молодец: вовремя заметил поджигателей. Чуть всех к едреней фене не спалили. Так держать.

– Есть, так держать, – обрадовался и похвале командира, и общему спасению Колька. – Я случайно его заметил, – стал он словоохотливым после выброса адреналина от едва миновавшей смерти. – Честно, случайно. Просто глянул влево, я так еще на гражданке привык, – бежит гад. Ну, я и рванул машину назад. Даже сообразить ничего не успел. Руки-ноги сами все сделали.

– Вот и молодец, что, даже не думая, правильно поступаешь. В бою особо раздумывать некогда – воевать надо. И чутье важно. Все молодцы. И Олег и Гена.

Лейтенант, гордящийся в глубине души тем, что он не растерялся в своем первом бою, медленно вылез из люка, спустился с броневики, достал на этот раз из кобуры наган и, держа его в опущенной руке, направился к полякам.

– Русский кто понимает? – спросил, подойдя к ним метров на пять.

Поляки молчали и испуганно зыркали на молоденького русского «офицера».

– Сердюк! – громко крикнул Иванов выглядывающему из башни своего бронеавтомобиля отделенному командиру. – Пришли ко мне Никитина.

Через пару минут быстрым шагом тоже с револьвером в руке к нему подошел невысокий ладный Никитин. Никитин, кадровый красноармеец, служащий уже второй год, хоть и русский по рождению, жил до призыва со своей семьей в украинской деревне где-то под Полтавой. Так у них сложилось. Предпочитал говорить на русском, но и по-украински разговаривал не хуже любого сельского хлопца. Вот пусть с поляками и общается: политрук уверял, что в польском и украинском языках тьма общих слов; да и сами украинцы в польской армии вполне могут повстречаться.

– Спроси у них: кто старший? – велел Иванов. – Кто командир? А то я их знаки различия не запомнил. Путаюсь.

Поляки поняли его еще до перевода Никитина – вперед вышел и козырнул двумя пальцами усатый немолодой, лет тридцати с гаком, вояка с желтым шевроном на погонах.

– Сержант Муховецки, – представился он хоть и по-польски, но вполне понятно

– Кто приказал организовать засаду? – спросил Иванов – Никитин перевел.

– Говорит, что подпоручик Осинский, – ответил Никитин.

– Где он?

«Был в лесу» – без перевода понял Иванов слова сержанта, подтвержденные кивком в сторону далекой опушки.

– Сколько с подпоручиком людей? Сколько пулеметов?

– Одно отделение: восемь солдат оставалось. Один ручной пулемет.

– Сколько человек было с сержантом?

– Два неполных отделения: четырнадцать человек.

– Пусть пан сержант внимательно осмолит и сосчитает своих сдавшихся и убитых солдат. Все здесь или кого-то не хватает? Если соврет – расстреляю на месте.

Выслушав Никитина, сержант обернулся к сдавшимся товарищам, потом, вертя головой и пришептывая губами, стал, не сходя с места пересчитывать трупы. Лейтенант Иванов в свою очередь занялся арифметикой: пятеро стоят с поднятыми руками плюс сержант – шестеро. Два убитых в поле – восемь. Два на дороге – десять. И три лежат на обочине – тринадцать. Как минимум, одного не хватает.

– Спроси: четырнадцать – это с сержантом или без, – велел Иванов.

– Без, – выяснил Никитин и добавил. – Говорит, двоих не хватает. Кого именно он не видит. Не знает, кого убили.

– Где могут быть эти двое?

– Где-то тут в поле прячутся, за копами.

– Пусть прикажет им выйти. Я гарантирую им жизнь. Иначе мы подожжем копы и в плен уже никого брать не будем. На размышление время не даю. Кто сразу не выйдет – будет уничтожен.

Сержант прокричал ультиматум. Из-за второго ряда копен поднялись с земли с вздернутыми вверх руками еще два безоружных поляка в касках и пошли сдаваться.

– Пусть сержант хорошенько подумает (от этого зависит его жизнь): теперь все?

– Думаю, он говорит: все, – перевел Никитин слово «вшистка».

– Пусть пошлет одного человека собрать и сложить у дороги все оружие и боеприпасы. Всю их амуницию. И без глупостей. Если кто-нибудь один решит проявить героизм – расстреляем всех. Еще два человека должны собрать всех убитых и сложить там, – лейтенант показал рукой. – Остальным можно опустить руки. Выполнять. И вот еще, – лейтенант, вложив наган в кобуру, достал из планшета листовки. – Скажи: пускай прочитают.

Сержант взял листовки, козырнул, повернулся к своим и отдал распоряжения. Рослый костлявый солдат с грубыми чертами лица отправился за оружием, а двое, менее довольные, – за своими убитыми товарищами. Остальным сержант раздал речь Молотова, оставив одну себе.

Сержант не зря назначил для сбора оружия рослого, как видно отличающегося силой солдата. Этот костлявый здоровяк постепенно навьючил на себя больше десятка винтовок с непривычно загнутыми вниз рукоятками затворов, брезентовые сумки, ремни с плоскими штыками, мальыми лопатками, патронными подсумками и кобурами пистолетов, ранцы с шинелями, противогазы и незнакомый Иванову ручной пулемет с коротким нижним магазином. Всю эту гору он небрежно свалил возле лейтенанта и даже не запыхался. Потом флегматично собрал оружие и вещи убитых, уже уложенных его товарищами в ряд на краю поля. Принесли на шинелях даже обугленные скрюченные останки двух солдат, сгоревших от собственных бутылок.

Поляки затушили шинелями почти полностью выгоревшее обмундирование и положили их, еще дымящихся и тошнотворно воняющих горелым мясом, с самого края.

Лейтенант Иванов, пересилив себя, для воспитания собственной мужественности, прошелся, внимательно всматриваясь, перед телами первых убитых его подчиненными чужих солдат. С большим трудом ему удалось сдержать рвотный позыв. Командовать стрельбой и стрелять самому из броневедомобиля – это одно, а видеть вблизи залитые еще не свернувшейся кровью тела, безжалостно иссеченные пулеметными очередями... Особенно эти, с края: обугленные, с провалами вместо выкипевших от огня глаз, с кое-где кошмарно проступающими из черноты белыми костями и скрюченными остатками пальцев... Бр-р-р... Хотя почему это он должен переживать и чуть ли не каяться? Кого жалеть? Наоборот радоваться надо. Улыбаться аж до ушей и приплясывать от неописуемой радости. Если бы не рыжий Гурип (хорошо, что к себе в экипаж его переташил) – на месте поляков лежали бы они, все два экипажа. Все черные, обугленные, с выкипевшими от жара глазами и скрюченными остатками пальцев... Вот такой вот Миротлюбивый поход, однако получается.

– Прикажи сержанту, – сказал Иванов, закончив осмотр убитых, – собрать все солдатские книжки живых (и свою тоже) и отдать мне. (Никитин приказал) А сам займись трофеями. Из всех винтовок достань затворы и сложи в какой-нибудь ранец. Проверь содержимое остальных ранцев. Собери все пистолеты вместе с кобурами, но без ремней, боеприпасы, гранаты и штыки с ножнами. Ручной пулемет тоже заберем с собой. К нему должны быть запасные магазины и запас патронов. Не разберешься сам – спроси сержанта. Потом общешься самих поляков. Личные вещи, фляжки и продовольствие не трогай. Только оружие и боеприпасы.

Никитин принялся разбирать и складывать трофеи, быстро освоившись, как извлекается из незнакомой маузеровской винтовки польского производства затвор. Вернувшийся усатый сержант протянул Иванову стопку солдатских документов. Иванов спрятал ее в командирскую сумку и жестом отослал поляка к своим.

– Товарищ командир, – выпрямился над трофеями хозяйственный Никитин и слегка замялся, – а разрешите четыре штыка, один пистолет и половину ручных гранат для нашего экипажа взять.

– Разрешаю, – улыбнулся Иванов. – Тогда уже и ранец с затворами к себе носи. А ручной пулемет со всеми магазинами и винтовочными патронами – к нам.

– А тут еще ракетница есть с ракетами...

– К нам. У вас в машине штатная имеется.

– Так, и у вас тоже.

– Я не понял? Кто у нас командир?

– Понял, товарищ командир: трофейную ракетницу – к вам. Сейчас поляков обыщу и отнесу.

Пока Никитин обыскивал поляков, Иванов на чистом обороте одной из листовок размашисто написал, слюнявя чернильный карандаш: «Забрал солдатские книжки у восьми сдавшихся в плен поляков, а также винтовочные затворы и прочее оружие. К-р броневедомобильного взвода л-т Иванов, 36-я легкотанковая бригада» и отдал сержанту.

– Скажи ему, – попросил Никитина, – чтобы эту записку он отдал советскому командиру, который возьмет их в плен.

Никитин перевел. Сержант кивнул, сложил записку и спрятал в нагрудный карман.

– Товарищ командир, – негромко, повернувшись к полякам спиной, – заговорил Никитин. – Я вот что подумал... А если, когда мы отправимся дальше, к *этим* вернуться *те*, которые из леса по нам стреляли вместе с их подпоручиком? Не думаете, что подпоручик, если остался жив, может им приказать снова атаковать наших, которые следом за нами двигаются?

– И что ты предлагаешь? С собой мы их взять не можем, с ними кого-то оставить – тоже. Расстрелять? Безоружных пленных? А что в Полевом уставе РККА говорится об отношении к

сдавшимся в плен? (Никитин молчал). Напоминаю: «... к пленному врагу личный состав РККА великодушен и оказывает ему всяческую помощь, сохраняя его жизнь». Вспомнил? (Никитин кивнул). Спроси сержанта: что он будет делать, если после нашего отъезда сюда явится его подпоручик и прикажет опять воевать с Красной Армией? (Никитин спросил – сержант пожал плечами и промолчал). И все равно мы их расстреливать не будем. Передай сержанту, что я о них сообщу по радиии следующим за нами войскам. Если они нарушат мой приказ (дождаться плена на этом месте), то при следующем задержании их без всяких разговоров сразу расстреляют. Всех. Я лично за этим прослежу. Передай ему, что на неправильные приказы своего командира ссылаться нечего. Каждый солдат, да и просто человек, сам делает свой выбор: выполнить ему преступный приказ и убить другого человека, или отказаться выполнять такой приказ и быть наказанным, вплоть до расстрела, самому. (Никитин кое-как, помогая себе в трудных местах жестами, перевел).

– Он просит, на всякий случай, для защиты от подпоручика, вернуть ему его пистолет.

– Верни, – согласился Иванов. – Скажи, что я верю в его здравомыслие. По машинам.

Довольный польский сержант нацепил на себя обратно ремень с массивной черной кобурой пистолета ВИС-35, а Иванов и Никитин, нагруженные первыми трофеями, двинулись к своим броневикам. В спину им что-то прокричал сержант. Они обернулись. Сержант быстрым шагом приблизился и что-то негромко, чтобы не слышали его солдаты, запшекал.

– Он говорит, – перевел Никитин, – что он благодарен вам за оказанное доверие и хочет сообщить, что на железнодорожных путях возле местечка Мирогощи готовятся к отправке на запад несколько воинских эшелонов. Их засада должна была в какой-то мере задержать Советы и дать возможность эшелонам отъехать.

– Это уже интересно, – сказал Иванов. – Сколько там эшелонов? Сколько войск? Каких?

– Этого он точно не знает, – перевел Никитин. – Слышал, что эшелонов несколько. Разные части. Пехота, какие-то службы, тыловые подразделения. Воинское имущество. Продовольствие. Танков, артиллерии и кавалерии нет. Это точно.

– Почему он решил нам об этом рассказать?

– Он не хочет, чтобы продолжали гибнуть польские солдаты. Он верит речи пана Молотова и Красной Армии. И вам. Приказам своего подпоручика, если тот вернется, он подчиняться не станет. Его солдаты тоже.

– Впереди еще засады есть?

– Наверняка он не знает, но думает, что вряд ли.

Лейтенант открыл палетку и посмотрел на вставленную под прозрачный целлулоид карту. Протянул сержанту:

– Спроси, как нам лучше подъехать к этой Мирогоще и заблокировать эшелоны, чтобы заранее не привлекать внимание?

– Он говорит, – Никитин показал грязным пальцем на карте, – что эшелоны стоят вот здесь, перед пересечением шоссе и железной дороги. Если ехать по шоссе прямо до этого пересечения – нас заметят из эшелонов. Лучше заранее, вот здесь, свернуть налево и объехать. Вот так вот. Тогда мы незамеченные выскочим прямо перед выездом на переезд.

– Ясно. Поблагодари его от моего имени. И скажи, что он сделал правильный выбор. Польским солдатам хватит воевать. (Никитин перевел). Пошли. Расскажешь все Сердюку, – уже на ходу договаривал лейтенант Иванов. – Приказ: гнать машину вперед на максимальной скорости. В перестрелки, если они не мешают движению, не вступать. Остановиться у поворота перед Мирогощей, где показал поляк, и дождаться меня.

– Есть, гнать на полной, в перестрелки не вступать, остановиться перед поворотом у Мирогощи, дождаться вас, – повторил Никитин и они разошлись по своим бронемашинам.

Трофеи лейтенант отдал через дверцу довольному Голощапову. Ему же приказал передать в батальон информацию о польских эшелонах в Мирогоще, собирающихся на запад и свое

решение их задержать. И снова быстрая езда с поднятыми для обдува бронезаслонками. Недолгая езда. Передний броневик, с выглядывающим из башни комэкипажем, уже замер перед дорожным знаком «Mirogoshcha», налево отъезжаясь узкая проселочная дорога. Иванов приказал Кольке подъехать вплотную к Сердюку слева – Колька подъехал.

– Теперь первым двигаюсь я, – сказал отделенному Сердюку лейтенант Иванов. – Ты за мной метра в десяти. Когда доедем до переезда, сворачиваем направо и едем вдоль полотна, если будет возможно – с двух сторон от железнодорожных колеи. Я слева – ты справа. А дальше действуем по обстановке. Да, и флаги красные пока снимаем: нам лишнее внимание сейчас не к чему. Вперед.

3. Сигнальные ракеты.

К месту назначения добрались быстро, вначале выехали на прежнее шоссе, а там – и на сам переезд через двухколейную железную дорогу. По знаку Иванова броневики остановились. Лейтенант внимательно осмотрел в бинокль открывшуюся в нескольких сотнях метрах от них картину. Усатый сержант не обманул: левая колея, насколько хватало видимости, была занята составами. Скучно клубили темно-серым дымом готовые по команде поднять пары разогретые черные паровозы. Суетились вокруг вагонов солдаты в чужой форме и редкие гражданские. Что-то впопыхах грузили, куда-то спешили или просто стояли группами. Все, как в развороченной муравьиной куче.

– Голощاپов, – сказал лейтенант, – передавай в батальон: в Мирогоше действительно польские воинские эшелоны. Сколько именно – не вижу. Готовятся к отправке. Когда сообщишь – берешь сумку с трофейной ракетницей и потихоньку, не привлекая внимания, выходишь из машины, подходишь к Сердюку и передаешь ему мой приказ. Первое, его Никитин, взяв штатную ракетницу, присоединяется к тебе. Вы с ним потихоньку забираетесь прямо здесь в посадку по разные стороны от железной дороги (ты влево, он вправо), отходите назад за переезд и затаиваетесь. Ракеты заряжаете красные. И внимательно следите за небом над эшелонами. Когда увидите мою красную ракету – пускаете вверх из-за деревьев, не высываясь, свои. И по посадке бегом обратно к машинам. Постарайтесь обойтись без стрельбы. Если начнется бой – действуйте по обстановке. Наши танки на подходе. Когда доберетесь до уровня броневиков – с разницей в пять минут (сперва ты, потом Никитин, неспешным шагом, вроде отходили облегчиться, возвращаетесь в машины). Второе, передашь Сердюку. Пушку зарядить осколочным без колпачка и двигаться параллельно мне справа от путей. Взять на прицел солдат справа от эшелона. Остановиться вместе со мной. Иди.

Посерьезневший Голощاپов кратко повторил приказ, отстучал по радиации в батальон (голосовая связь уже не дотягивала) сообщение Иванова; закончив, нацепил слева на пояс трофейную брезентовую сумку с ракетницей и сигнальными ракетами и выбрался через свою боковую дверцу наружу. Пригнувшись, подбежал ко второму броневика. Через время к нему присоединился Никитин. Пулеметчики немного пообщались друг с другом и разбежались в посадки по разные стороны от путей. Иванов снова установил над своим броневиком небольшой красный флаг – тоже самое повторил Сердюк.

– Гурин, вперед, – приказал Иванов. – Медленно. На второй.

Броневики Сердюка тронулись параллельно командирскому справа от железнодорожных путей. Они неотвратно и уверенно приближались к эшелону. Их, наконец, заметили. Снующие вокруг первого эшелона поляки остановились, но за оружие хвататься не спешили. Они молча стояли кто с винтовками за плечами, кто без, в своих непривычных фуражках с угловатыми тульями или пилотках и смотрели на спокойно приближающиеся к ним с запада советские броневики под красными флагами. Не доезжая полсотни метров до ближайшего слабо пыхающего серым дымом сверху и белым паром снизу паровоза, Иванов приказал остановиться. По другую сторону путей стал броневики Сердюка.

– Попробую взять панов поляков на понт, – сказал Иванов экипажу. – На мою красную ракету не обращайтесь внимания. На ракеты Голощاپова и Никитина тоже. Этот салют будет дан исключительно для поляков. Минько, меняешь в стволе осколочный на бронебойный и наводишь на котел паровоза, если я снимаю шлемофон, или паровоз трогается, или меня подстрелят – лупишь. Три бронебойных по паровозу – чтобы уже наверняка, Потом осколочными с колпачком по вагонам. Дальше – на свое усмотрение. При необходимости – картечью. И приказываешь Гурину отступать задним ходом до переезда. Ближе к машине никого не подпускать.

– Товарищ командир, – вмешался Колька, – бензин скоро кончится, его уже немного осталось. Если мотор долго на холостом ходу работать будет – скоро последние капли высосет.

– Понял. Мотор заглуши. Запустишь в случае начала стрельбы.

Иванов застегнул под горло комбинезон, чтобы полностью скрыть лейтенантские петлицы, прицепил на ремень громоздкую брезентовую сумку со штатной ракетницей и патронами к ней, не спеша на виду у поляков вылез из башни и спустился на землю. Медленно подошел, перешагивая через рельсы, к машине Сердюка и тихо сказал ему, по пояс выглядывающему из башни:

– Василий, мотор заглуши – бензина и у тебя, должно быть, осталось мало. Запустишь только в случае боя. На красные ракеты не реагировать. Если я сниму шлемофон, или паровоз тронется, или в меня пальнут – огонь. Если возле эшелона никого не будет – бьешь по первому вагону. При кучном приближении противника – картечь. Все это передай экипажу, а сам выходи – со мной пойдешь. Старшим машины оставишь башенного стрелка. Свой комбинезон застегни до верха – петлицы спрятать. Для поляков ты будешь лейтенантом, командиром бронеавтомобильного взвода. Я для них – майор, командир батальона. Ведем себя с ярко выраженным чувством собственного достоинства. За нами вся мощь Красной Армии. Говорю только я. Ты со значительным выражением лица помалкиваешь. Все ясно?

– Так точно. Ясно, товарищ *майор*.

Сердюк передал своему оставшемуся экипажу услышанные инструкции и спустился к командиру. Они твердым уверенным шагом, расправив плечи и гордо задрав подбородки, зашагали по утоптанному гравию вдоль железнодорожной колеи в сторону поляков, сгрудившихся возле без остановки фыркающего клубами дыма и пара черного паровоза. Из толпы чужих мундиров вперед выдвинулось несколько человек со звездочками на погонах.

– Майор Иванов, – вальяжно, как убеленный сединами командарм безусым новобранцам, отдал честь лейтенант Иванов, подойдя к полякам метров на пять, – командир передового батальона Красной Армии. Кто-нибудь разговаривает по-русски?

– Поручик Юзефович, – вышел вперед и козырнул двумя пальцами чернявый офицер в фуражке с мятой угловатой тульей.

– Кто вами командует? – спросил Иванов, свысока, задрав подбородок повыше, оглядывая столпившихся за поручиком офицеров с большим количеством звездочек на погонах.

– Пан полковник Збируг.

– Позовите. Я буду разговаривать только с ним.

– Но пан полковник занят. Он руководит погрузкой.

– Если я прикажу открыть оружейный огонь – пану полковнику придется руководить *разгрузкой*. Даю десять минут на приход пана полковника. Потом... Сами понимаете, пан поручик, что будет потом. Известите пана полковника. Время пошло, – Иванов демонстративно оттянул грязный манжет комбинезона на запястье и взглянул на часы. Поручик вернулся к своим сослуживцам и они возбужденно запшекали. Некоторые слова, похожие на украинские, Иванов понимал – большинство нет. Один из молодых офицеров повернулся и побежал в гущу солдат вдоль состава. Несколько звездно-погончатых поляков вместе с переводчиком приблизились к красным командирам.

– На каком основании, вы ставите нам условия, – перевел поручик Юзефович вопрос белобрысого худощавого офицера с тремя звездочками на каждом погоне.

– На праве сильного и на основании приказа своего командования, – нехотя, как маленькому, – разъяснил Иванов. – Почитайте вместе с панами офицерами, пока мы ждем вашего пана полковника. (Он неспешно достал из планшета и вручил переводчику стопку листовок). Вам все станет понятно. И что. И почему. И на каком таком основании.

Чернявый поручик перевел ответ грозного красного командира, пробежал глазами речь Молотова, повернулся к своим и раздал листовки. Пока паны поляки вникали в речь советского

наркома и переговаривались между собой, вернулся запыхавшийся молоденький офицерик, бегавший, как надеялся Иванов, к пану полковнику.

– Пан полковник сейчас подойдет, – перевел поручик. Иванов медленно глянул на часы (прошло уже больше пяти минут) и важно кивнул головой:

– Ладно, я еще подожду. Не заставляйте же мне вашего командира, как его молодого офицера, бегом бежать. Это было бы выглядело недостойно перед его личным составом. Лишь бы из моих бойцов кто-нибудь случайно не сорвался и не открыл по вам огонь раньше времени.

Еще через несколько минут сгрудившиеся за польскими офицерами солдаты расступились и пропустили вперед невысокого седоусого тщательно выбритого лощеного военного с тремя полосками на трехзвездочных погонах.

– Полковник Збируг, – перевел поручик козырнувшего лощеного офицера.

– Майор Иванов, – отдал честь сам себя повысивший лейтенант. – Командир передового танкового батальона легкотанковой бригады Красной Армии.

– Что вы здесь делаете?

– Жду разоружения подчиняющихся вам войск. Временного разоружения.

– У меня приказ моего командования, – сдвинул брови полковник, – погрузиться в эшелоны и следовать в западном направлении.

– К сожалению для вашего командования, – спокойно отмел польский приказ Иванов, – это исключено. Вы останетесь здесь, освободите вагоны и сложите оружие.

– Вы с двумя вашими бронемашинами собираетесь меня к этому принудить?

– Ну, – улыбнулся Иванов, которому совсем не хотелось улыбаться: за спиной польских офицеров собиралось все больше вооруженных солдат, некоторые держали винтовки уже не за спиной, а в руках, – почему же только с двумя бронеавтомобилями? Вы, пан полковник, очевидно, недостаточно осведомлены о штатном составе танкового батальона Красной Армии. Под моим началом полсотни танков и полтора десятка бронеавтомобилей. И это только из бронетехники. Те два, которые у меня за спиной (он ткнул за спину оттопыренным от кулака большим пальцем) – всего лишь мой почетный эскорт. Согласитесь, не пешком же мне было к вам идти? Остальные в засаде. Попробуете тронуться – мы откроем огонь.

Полковник недоверчиво покачал холеной седой головой. Иванов опять улыбнулся, пожал плечами и открыл висящую на боку брезентовую сумку со штатной ракетницей ОСП-30. Не спеша достал сигнальное оружие, внешне похожее на смит-вессоновский, еще царский, револьвер; нажав на защелку внизу, откинул толстый короткий ствол; в карманчике сумки выбрал латунный патрон с красной звездкой и вставил его в граненый патронник; закрыл ствол; взвел курок (поляки, как замороженные, молча, следили за его неспешными манипуляциями); уверенно поднял руку вверх и нажал на спусковой крючок. Негромкий хлопок выстрела – сильная отдача в ладонь – бело-дымная быстро тающая на легком ветру полоса на светло-голубом фоне неба и маленький красный распустившийся цветок в конце траектории. Буквально через пару секунд вслед за этим цветком почти синхронно распустились еще два его собрата сзади, в районе переезда. Их быстро тающие дымные стебли произрастали из посадок по обе стороны от железной дороги. Польские офицеры молчали, разглядывая нерадостный для них фейерверк. Иванов, опять откинув короткий толстый ствол, вытащил и выбросил под ноги горячую латунную гильзу; по-прежнему не торопясь спрятал ракетницу и безмятежно устался в переносицу пану полковнику.

– А еще, как вы пан полковник можете заметить, у меня есть рация, – Иванов мотнул головой в сторону своего броневика, с торчащим вверх длинным штырем антенны. – И не одна. Я уже связался со своим штабом и доложил о вас. При условном сигнале, сюда в очень короткое время прилетят пикирующие бомбардировщики и от ваших эшелонов, боюсь, вообще мало что останется. Оно вам надо? И вот еще, – Иванов достал из планшета речь Молотова и протя-

нул полковнику, – прежде чем продолжим разговор, – пожалуйста, ознакомьтесь. (Полковник внимательно прочел).

– Мне нужно посоветоваться, – холеный полковник не очень вежливо повернулся и прошел за расступившиеся спины своих подчиненных. Поляки снова сомкнулись, угрожающе поглядывая на двух советских командиров, но ближе не подходили.

– Ну, что, Василий, – сказал тихонько Иванов Сердюку, – я думаю, нам тоже надо отойти к машинам. Не стоять же здесь столбами пока его, как говорят поляки, «мосць» советуется. Пошли. Заодно и подкрепиться пора – уже давно время обеда прошло. Не знаю, как у тебя, а у меня кишки чуть ли не верещат от голода; я даже боялся, чтобы паны это неприличие не услышали.

– Подкрепиться – это я всегда с удовольствием, – обрадовался отходу под защиту брони Сердюк.

– Пан поручик, – уже громче обратился Иванов к чернявому переводчику, – когда пану полковнику будет, что нам сказать, просто помашите вот с этого места своей фуражкой. Ближе к броневикам не подходите и своим передайте. Во избежание, так сказать... Ну, сами понимаете. Пулеметчик у меня нервный, еще, не дай бог, примет ваше приближение за нападение. Честь имею. Да, и к месту танковой засады, – Иванов мотнул головой назад в сторону своих затаившихся «ракетчиков» не надо подходить по тем же самым причинам.

Они козырнули и, стараясь идти гордо и уверенно, вернулись к броневикам. Уже возле своей машины Иванов решил добавить линий штришок к «танковой засаде»: опять достал ракетницу, зарядил на этот раз зеленой звездкой и выстрелил назад в сторону переезда, якобы подавая какой-то сигнал. Время работало на них. Танковый батальон их комбата майора Персова, как они надеялись, приближался, хотя и не так быстро, как им хотелось. Пока можно было действительно перекусить: голодные животы уже вовсю играли бравурные марши. Пан полковник советовался долго – экипаж лейтенанта Иванова успел по очереди подкрепиться сухпайком и ознакомиться с отобранными у поляков трофеями. Лейтенант разрешил каждому взять в личное пользование по плоскому штыку в металлических ножнах, один отложили для еще не вернувшегося Голощاپова.

Колька обрадовался и сразу нацепил стальные ножны на ремень с левой стороны. Лезвие было толстым – полсантиметра – с широкими закругленными долами и плохо заточенным. Хлеб таким резать, наверное, будет неудобно, разве что, консервы открывать. Но, вообще-то, вещь полезная и солидная. Сразу видно – трофей. И в ближнем бою, если, не дай бог, придется, – сгодится. Четырехгранный игольчатый штык от мосинской винтовки смотрится попроще (или привычнее?), хотя, говорят, в рукопашной с ним сражаться удобнее, и раны от него более опасные: края не закрываются.

Иванов тем временем ознакомился с уже снаряженными запалами польскими гранатами в брезентовых сумках. Они были меньше размером, чем привычные советские РГД-33 бутылочной формы и, похоже, гораздо проще в обращении. Еще в училище Иванов вместе с РГД-33 вскользь познакомился с бывшими французскими гранатами, оставшимися в Красной Армии в ограниченном количестве после Империалистической войны. Использовать их было легче: разогнул усики чеки, выдернул кольцо и держи, сколько хочешь в руке, прижимая рычаг, блокирующий ударник; нужно будет – бросаешь в цель, а пройдет в броске необходимость – можно чеку и обратно вставить. То ли дело штатная РГД-33: потяни ручку гранаты туда, поверни корпус сюда, открой красный глазок там, поверни сям; опусти внутрь запал и собери всю конструкцию обратно; без замаха граната не взрывается (то есть, в случае нужды, себя вместе с врагами ей подорвать трудновато будет); красноармейцы, особенно деревенские, плохо запоминают этапы подготовки и самого броска. Сложная граната. И, наверное, (хотя это и вообще не дело лейтенанта Иванова) в производстве недешевая.

А польские трофеи очень напоминали старые простые французские: те же яйцеобразные небольшие корпуса (у одних – чугунные глубоко рифленые, у других – гладкие стальные); запалы с кольцом чеки и рычагом под ладонь. Выдернул чеку за кольцо, прижав рычаг, и бросай себе во врага спокойно. Думать особо и не надо.

С трофейным ручным пулеметом Иванов высунулся разбираться на верх башни под прикрытием откинутого вертикально полукруглого люка. Массивный, с толстым ребристым стволом для лучшего теплообмена, правда, легче советского дегтярева, особенно, пехотного варианта. Их, стоящая в броневику танковая разновидность вместе с диском тоже тяжелее будет. А ну-ка, что за клеймо на нем возле прицела? «7.92 mm rkm Browning wz. 1928 Warszawa». Ага. Тут даже переводчик не нужен: калибр 7,92 (как у немецкого маузера) Браунинг Варшава. Ясно. А это что за кнопка в скобе спускового крючка? Зашелка магазина. Нажимаем, достаем. Магазин короткий двухрядный. Патронов на двадцать, не больше. Быстро расходуется – часто менять придется. У наших ДП, не говоря уже о танковых ДТ, емкость гораздо больше. Слева рукоятка явно для перезарядки. Оттягиваем назад – не тянется. Чуть ниже – переключатель с тремя положениями на три буквы «РСВ». Похоже на предохранитель и переводчик с одиночного на автоматический огонь. Стоит на «В». Переводим на «С». Теперь затвор оттягивается. Ничего сложного. Патронник пуст. Нажимаем на спусковой крючок, направив дуло вверх, – металлический холостой лязг.

Осталось выяснить: какая буква для автоматической стрельбы. Но это потом. Прицел: для близи – целик с треугольной прорезью, для дали – поднимаемая планка с перемещающимся диоптром. Ребята с таким справятся, разве что, Гурина лучше объяснить. И брезентовые под сумки с запасными полными магазинами. Такой пулемет лучше припрятать и в качестве трофея в батальон не сдавать: может и самим пригодиться (хотя и не хотелось бы).

Приоткрылась водительская дверца, и в нее высунулось веснушчатое лицо Гурина:

– Товарищ командир, – позвал он, – там рация мигает – вызов идет.

– Сейчас, – опустил вниз польский пулемет Иванов, выбрался на крышу, прыгнул на землю и залез на место Голощапова. Подсоединил штекер своего шлемофона к разъему пулеметчика-радиста и щелкнул тангентой. Голосовая связь появилась. Радист командирского танка майора Персова сообщал, что из-за проблем с подвозом горючего и других причин, батальон задерживается в пути. Приказано стоять хоть насмерть, но польские эшелоны категорически на запад не выпускать.

– Есть, – ответил Иванов, скрывая свою досаду на задержку подмоги, – стоять и эшелоны на запад не выпускать. Если пойдут на прорыв – дам бой. С пробитым котлом паровоза далеко они не уедут. Разве что пешим порядком. Тут уж я им без вас помешать не смогу. Конец связи.

– Что, товарищ командир, – спросил Колька, – наши задерживаются?

– Немного, – решил его успокоить командир. – Придется подождать. Не бойсь, Гурин, прорвемся. Давай-ка я тебя пока что познакомлю с польским ручным пулеметом. Да и с гранатами тоже.

Иванов привычно взобрался на крышу, наклонился в боевое отделение за трофеями, опять вернулся на место Голощапова и дал Кольке краткое наставление по ручному пулемету Браунинга и по гранатам: мало ли, вдруг и водителю воевать придется. «Ракетчиков» все не было, поляки не звали, Иванов вылез наружу и закурил «Казбек». Как по сигналу, из левой посадки ленивым прогулочным шагом, застегивая комбинезон (вроде, он отходил по нужде), вышел Голощапов, медленно обогнул броневику, довольно подмигнул командиру и, открыв правую дверцу, забрался на свое место. Еще через восемь минут во второй броневику вернулся Никитин. Экипажи в сборе. Пока все складывается на удивление удачно и без потерь. А пан полковник все советуется...

Отвлечшегося лейтенанта позвал высунувшийся из кабины Колька:

– Товарищ командир, – крикнул он, – там поляк, с которым вы разговаривали, вышел вперед и фуражкой машет.

– Это он меня зовет, – сказал экипажу. – Пойду – пообщаюсь.

Подошел ко второму броневнику и вызвал Никитина – Сердюка решил на этот раз при машине оставить. Вдвоем приблизились к полякам. Полковника видно не было. Возле знакомого чернявого поручика стоял белобрысый худощавый офицер с тремя звездочками на погонах, но без полосок, как у пана полковника, который при первом общении интересовался: «на каком основании красный командир ставит им условия». Он козырнул двумя пальцами и поздоровался, в этот раз, наконец, назвавшись.

– Пан капитан Кузняр, – перевел чернявый поручик. (Советский командир и пулеметчик в свою очередь представились поляку). – Пан капитан будет говорить от имени пана полковника Збируга. Мы проверили: никаких советских танков в посадке сзади вас и на переезде нет. Он просит вас не препятствовать отправлению эшелонов. Пану полковнику очень бы не хотелось воевать с Красной Армией, но у него приказ: незамедлительно отправить эшелоны на запад. У вас здесь только два броневника. Вы не сможете нас удержать. Давайте, не допустим напрасного кровопролития.

– Зеленую ракету видели? – спросил Иванов. – Это был условный сигнал, по которому мои танки передислоцировались в другое место для засады.

– В посадках нет никаких следов от пребывания ваших танков: ни следов гусениц, ни сломанных кустов или деревьев. Их там не было, – продолжал переводить разоблачения поручик.

– Я не собираюсь вам ничего доказывать, – пожал плечами Иванов и нахально улыбнулся. Главное не *где* были раньше наши танки, а *где* они стоят в засаде сейчас. А насчет всего двух броневников, которые перед вами... Я и с одним вас удержать могу. Одно бронебойного снаряда вашему паровозу за глаза хватит, чтобы «спустить пар». Солдат у вас много, согласен. Планируете вручную вагоны толкать?

– У нас на платформах противотанковая артиллерия. Если мы ее сгрузим и скрытно перекатим в посадку – сможем вас уничтожить, не дав сделать ни единого выстрела.

– Это не правда, – блефанул, полагаясь лишь на слова давешнего польского сержанта об отсутствии пушек в эшелонах, лейтенант Иванов. – По нашим разведанным артиллерии у вас в эшелонах нет – первый пушечный выстрел будет за нами. Если вы пошлете своих солдат поджечь бутылками или подорвать гранатами наши броневники – возможно, им это и удастся. Возможно. Но далеко не сразу. Первым делом мы приведем в негодность ваш паровоз и завалим польскими трупами пространство вокруг себя. Кроме бронебойных снарядов для котлов ваших паровозов, у нас еще имеются осколочные и картечные выстрелы для пехоты. И по два пулемета в каждом броневнике. Нападайте. Паровоз, наверное, со временем вы сможете заменить или отцепите от второго эшелона и будете толкать первый сзади. Но, даже двинувшись на запад, вы попадаете в следующую засаду – уже танковую. Снова уничтоженный паровоз и десятки, если не сотни, убитых и раненых. И неминуемый налет пикирующих бомбардировщиков.

– У вас нет никакой танковой засады.

– А вы проверьте, – пожал плечами и белозубо улыбнулся Иванов. – Стоит вам хоть на метр двинуть вперед эшелон или проявить по отношению к нам какую-либо агрессию – мы открываем огонь без предупреждения.

– Вы с вашими экипажами готовы умереть?

– За Родину и Сталина – да! Кроме того, мы знаем, что нас отомстят наши товарищи. Сполна отомстят. В случае нашей гибели, ваши эшелоны будут уничтожены: сперва остановлены танками, а потом разбомблены авиацией. Оставшихся в живых солдат, возможно, в плен и возьмут, а вот офицеров, виновных в нашей гибели... Очень я в этом сомневаюсь. Они, ско-

рее всего, будут *совершенно случайно* застрелены вовремя неизбежных при всякой капитуляции *случайных казусов*.

– Пану капитану нужно доложить содержание этого разговора пану полковнику, – перевел чернявый поручик. Белобрысый пан капитан козырнул, развернулся и быстро зашагал к эшелону.

– Хорошо, – ответил Иванов и лениво кивнул. – Пускай докладывает. Будет что нам сказать – опять помашите. Но близко – ни-ни! Особенно в свете обещания пана капитана нас поджечь или подорвать.

Опять потянулось томительное ожидание. Рация все молчала. Подмоги все не было. Скоро начнет смеркаться – в темноте подобраться к броневикам будет легче. Возможно, поляки как раз темноты для нападения и дожидаются. Иванов распорядился отдыхать по очереди: двое в экипаже спят прямо в машине, сидя на своих местах, – двое на страже.

Совсем стемнело. Сразу поляки нападут вряд ли (если они, все-таки, решили прорываться), скорее – подождут еще. Чтобы у русских бдительность притупилась. И тут неожиданно (и, слава богу, которого, говорят, нет) взошла луна и добросовестно высветила окрестности – хоть в этом им повезло. Чистое звездное небо и яркая луна. Не день, конечно же – но если кто от посадки или вдоль путей двинется – заметить можно вполне. Если конечно не спать. Одному члену экипажа командир приказал дежурить внутри броневика, в башне, а второму – с наганом в руке караулить возле машины.

Кольке досталась смена вместе с командиром. Он упросил лейтенанта и наружу выбрался не только со штатным револьвером в уже расстегнутой кобуре, но и с трофейным ручным пулеметом, повешенным на ремень поперек груди и с двумя польскими гранатами (гладкой наступательной и глубоко рифленной оборонительной) в брезентовой сумке на поясе. Туда же на пояс Колька нацепил четыре брезентовых подсумка с запасными магазинами к трофею; заранее загнал патрон в патронник, передернув рукоять заряжания; поставил на предохранитель и с важным видом принялся бродить вокруг своей машины, неожиданно поворачиваясь и меняя направление движения (чтобы, как он мечтал, обмануть поляков, которые вот-вот из ближайшей посадки на него набросятся).

Поляки все никак не набрасывались. Десять килограмм пулемета системы Браунинга на шее казались уже всеми двадцатью. Запасные магазины и гранаты на поясе тоже перестали радовать – они только мешали ходить. Устал, сказывалось напряжение прошедшего дня, хотелось спать. Но нельзя. Он отвечает за весь экипаж. Его рубеж обороны – первый. Командир тоже не спит, но он в башне. Если поляки нападут, то вначале на него, Кольку Гурина. И он первый должен поднять тревогу. А если ему суждено погибнуть – товарищи услышат стрельбу и откроют ответный огонь. Отомстят гадам. И похоронят его торжественно прямо на этом месте возле железной дороги, и будет, почти как у Аркадия Гайдара: «Проезжают паровозы – привет Кольке! Пролетают самолеты – привет Кольке! А пройдут пионеры – салют Гурину!» Тьфу-ты, рано еще помирать. На хрен мне ваши приветы с салютами на том свете? Которого, к тому же, говорят, и нету вовсе. Еще пожить хочется.

Ему все чудилось движение в ближайшей посадке, в левой. Настороженный Колька перешел на правую сторону броневика; откинул, как показывал командир, сошки пулемета; поставил их на покатый капот и левой рукой прижал приклад к плечу. Кое-как прицелился в темную посадку (мушка в прорези прицела совсем не просматривалась); поводит стволом пулемета из стороны в сторону; поклацал переводчиком огня; напряг зрение. В посадке явно кто-то был. И не один. Что-то тускло блеснуло. Или ему показалось? Так и подмывало нажать на спусковой крючок и проверить работу незнакомого пулемета. Но командир категорически приказал первым не стрелять, если только поляки не полезут из посадки или не станут приближаться вдоль путей. С сожалением Колька опять включил предохранитель, повесил пулемет обратно

на несчастную шею и снова принялся кружить возле броневедомобиля. Вокруг второй машины с наганом в руке степенно расхаживал Никитин.

У польского эшелона движение постепенно прекратилось: поляки, очевидно, расползлись по вагонам спать. Только перед паровозом, все еще слегка пофыркивающим белым в ночи дымом, между путей стояли и на чем-то сидели вблизи разложенного костерка полдесятка караульных. И что они охраняют? Можно подумать, два советских броневедомобиля с восьмью членами экипажей первыми нападут на несколько сотен или даже тысяч польских солдат. Делать нам больше нечего. Вы нас не трогайте и спите себе спокойно. До утра. А мы вас трогать не будем (пока подмога не придет).

Из башни высунулся командир и тихо позвал.

– Гурин, подойди. (Коля подошел). Танки приближаются. По радиии сообщили. Дуй на переезд. Но не беги. Спокойным шагом. Встретишь их и объяснишь ситуацию. Комбат с ними. Пусть теперь он командует. Мы свою работу, можно сказать, сделали.

– Есть, товарищ командир, – обрадовано козырнул Коля. – Встретить танки и объяснить комбату ситуацию.

Коля перекинул ремень уже опостылевшего ему чертового пулемета через плечо, забросив ставшее тяжелым оружие за спину, и зашагал между путей к переезду. Когда он дошел, танков еще не было, но неясный гул моторов и металлический лязг гусениц уже явственно доносились в ночной тишине. Вскоре приблизились, стали громче, из-за поворота пробилась лучи фар. Светомаскировку танкисты не соблюдали. Торопились и не хотели сбиться с дороги, луны им, очевидно, не хватало и скрытностью решили пренебречь, а авиации польской и вовсе не опасались. Пока танки не приблизились, Коля отошел немного от дороги и посмотрел на подходящую колонну сбоку. Танков было пять. Характерные вытянутые силуэты – бэтэшки. Не густо. Не батальон. Но и не два броневедомобиля, с которыми они уже несколько часов панам полякам путь на запад геройски преграждают.

Коля вышел на дорогу и пошел навстречу долгожданной подмоге. Когда его осветили фары первого танка, он остановился, поднял перед собой руки крестом и улыбнулся всю ширь, сияя белыми зубами на испачканном немывом лице. Его танкистский комбинезон и характерный советский шлемофон узнали. Танк, качнувшись по инерции своей многотонной массой вперед, остановился в паре метров от него и обдал теплом и таким родным запахом бензина, масла, выхлопных газов и разогретого железа. Освещенный со спины фарами второго танка над башней с поручневой командирской антенной виднелся черный силуэт стоящего в открытом люке танкиста. Коля, подойдя к танку сбоку, узнал повернувшееся к нему круглое, наполовину закрытое очками лицо своего комбата и вскинул ладонь к виску:

– Товарищ командир батальона, разрешите, – начал по уставу Коля, но был прерван комбатом.

– Отставить! Фамилия?

– Гурин. Красноармеец Гурин. Водитель лейтенанта Иванова.

– Эшелоны где?

– Вон там железная дорога, – показал рукой Коля, – на ней эшелоны. Сколько – не знаем. Наши броневедомобили в пятидесяти метрах перед первым паровозом. Товарища Иванова слева от рельсов, а товарища Сердюка справа.

– Ясно. Залазь на танк, красноармеец Гурин. Показывай дорогу.

Коля перевесил пулемет с плеча наискосок через спину (по-кавалерийски) и, с трудом забравшись на танк, стал позади башни, ухватившись обеими руками за поручень антенны.

– Вперед, – скомандовал Персов своему механику-водителю и танк тронулся. – А это у тебя что, – спросил он, перекрикивая лязг гусениц и кивнув на пулемет.

– Пулемет, – гордо ответил Коля. – Трофейный. Системы, как сказал товарищ лейтенант, Браунинга. Геройски добыт в бою! Мы там поляков покрошили...

– Ты лично сколько покрошил? – улыбнулся майор.

– Да, я сам-то и не крошил, – смутился Колька. – Я же водитель... Зато я первый заметил, как они бросились на нас с бутылками бензина, чтобы поджечь и успел дать задний ход. А уже пулеметчик наш, Голощапов, вот он их и покрошил из курсового ДТ. А потом и товарищ лейтенант подключился, а потом и наш второй броневи́к... В общем, поляки сдались, а мы трофеи забрали. А вы их видели?

– Поляков ваших? Видели. Но проехали без остановки – к вам спешили.

– Переезд! – крикнул Колька. – Нам на право.

Майор поднял руку вверх и скомандовал своему мехводу остановиться. Справа в нескольких сотнях метров чернели под тусклым лунным светом два застывших по обе стороны от железнодорожных путей броневика; за ними просматривался поддерживающий пары в топке паровоз и маленький огонек костра перед ним. Персов внимательно осмотрел открывшуюся диспозицию в бинокль.

– Гурин, – сказал он, – оббежишь все танки и передашь командирам мой приказ: второй и четвертый съезжают с переезда с правой стороны от рельсов, идут вперед и останавливаются в десяти метрах от броневика с такой же дистанцией между собой. После остановки выключают фары, глушат моторы и разворачивают башни: второй вправо, четвертый – назад. Третий и пятый танки следуют за мной. Дистанция при остановке та же. Третий, остановившись, поворачивает башню влево, пятый – назад.

– Есть, оббежать все танки, – сказал довольный поручением Колька и, как и положено, повторил приказ.

– Да оставь ты свою железяку системы Браунинга, – ухмыльнулся Персов, – не украду. Положи на башню.

Колька с облегчением скинул на крышу башни свой поднадоевший трофей, спрыгнул вниз и побежал передавать приказ комбата. Вернулся, влез на башню, но пулемет больше на себя уже не вешал – просто придерживал его рукой. Командирский танк осторожно съехал с переезда и медленно залязгал траками вдоль путей.

– Гурин, – позвал сквозь лязг гусениц комбат, – звать-то тебя как?

– Колька, товарищ комбат, то есть Коля. Николай.

– Что-то я тебя не припоминаю. На сборы призывали?

– Так точно. На сборы.

– Погоди, так это тебя Иванов на своего прежнего водителя сменял?

– Меня, – обрадовался своей скромной известности Колька.

– А после окончания сборов остаться служить не хочешь? Стать кадровым красноармейцем?

– Да, – смутился Колька, – я об этом, как-то еще не думал.

– Сам-то откуда будешь?

– Из Харькова.

– Да ты что! И я из Харькова. Родился там и вырос. Где работаешь?

– Шофер я. На нашем паровозостроительном полуторку вожу.

– Вот совпадение. А у моих родителей сосед по квартире тоже там на полуторке шоферит. Случайно не знаком? Нефедов Саша?

– Да вы что! – теперь уже удивился Колька. – Товарищ майор, Сашка Нефедов ваш сосед? Это ж мой лучший друг. Мы с ним еще в Куражской колонии подружились. И на завод вместе пришли. И жену его Клаву я хорошо знаю. Свидетелем у них в ЗАГСе был.

– Вот так совпадение, – тоже обрадовался Персов. – Я Сашу видел как раз в конце августа, когда в Харькове в командировке был. Отошел он уже после своей аварии? Память вернулась?

– Так вы ничего не знаете? – помрачнел Колька.

– Чего не знаю?

– Пропал Сашка. В начале сентября как-то странно пропал. Вдруг оставил Клаве непонятное письмо и пропал. А, скорее всего, арестован. Потом *взяли* всех, кто с ним был близок: и Клаву, и меня, и начальника нашего цеха и еще многих других. Через несколько дней внезапно, без объяснений, выпустили. Всех, как я понял, кого по его делу брали, выпустили. А сам Сашка так и не вернулся. Что с ним? Меня, как выпустили, буквально на второй день на учебные сборы призвали. К вам. Больше я ничего и не знаю.

– А соседей его по квартире не брали? – забеспокоился помрачневший майор.

– Вроде, нет. Я когда вышел, заходил к Клаве. Надеялся – и Сашка вернулся. Соседей по квартире не арестовывали. Это точно! Я вспомнил. С мамашей вашей, бабой Раей, вы, кстати, на нее похожи (я даже иногда думал: кого вы мне напоминаете?), я столкнулся в коридоре и поздоровался. Мы с ней знакомы.

– Ясно, – кивнул слегка успокоенный Персов. – Стой! – крикнул уже своему мехводу и поднял руку вверх остальным экипажам.

Танки замерли, плавно качнувшись на гусеницах; фары погасли; уставшие на марше перегретые моторы перестали гудеть; и в наступившей тишине до Кольки отчетливо донесся скрип разворачивающихся в нужных направлениях орудийных башен.

– Ну что, земляк, – обратился Персов к Кольке. – Веди к своему командиру. Пулемет свой не забудь. Который системы Браунинга.

И Колька, закинув за плечо опостылевший трофей, повел спрыгнувшего с танка майора к своему броневнику. Радостный Иванов уже спешил на встречу. Требования устава слегка похерили оба – честь никто никому не отдавал – командиры ограничились лишь крепким рукопожатием. Лейтенант оперативно ввел майора в курс дела и в конце добавил:

– Вы уж извините, товарищ командир, но я полякам представился вашим званием и должностью. Для большей, так сказать, солидности. Петлицы под комбинезон спрятал и представился.

– Ну, – сверкнул в темноте желтизной прокуренных зубов Персов, – если для солидности, то можно. Только кто теперь, по-твоему, буду я? Полковник? Или сразу комбриг?

– А вы оставайтесь, как и я, майором. Еще одним майором. Почему бы еще одному танковому батальону не прийти на подмогу нашему?

– И то верно. В первом танковом батальоне аж целых два броневедомокола, а во втором – уже прогресс: пять легких танков! Ладно. Разберемся. О! Смотри. Что-то паны поляки забежали возле паровоза. Кто-то даже чем-то машет. Зовет, что ли?

– А! Это наш, то есть их, переводчик, – всмотрелся Иванов. – Поручик польский. Порусски пан хорошо говорит. Я через него с остальными и общался. Я им к нашим броневникам ближе подходить запретил и велел, если что надо, оттуда фуражкой помахать. Слушаются. Пойдемте, товарищ майор, к ним. Пообщаемся.

И они пообщались. Сначала через чернявого поручика-переводчика с белобрысым капитаном. Потом пришел не выспавшийся встревоженный пан полковник в накинута на плечи, по случаю ночной прохлады, шинели. Зачем Советы подогнали к эшелонам танки? Да так, на всякий случай. Чтобы у панов поляков не возникло желание в потемках сделать какую-нибудь глупость, о которой оставшиеся в живых сами же потом будут жалеть. Полковник уже ни с кем советоваться не намеревался. Он просто пообещал сдать все, как оказалось, четыре эшелона. Но только утром. Пусть солдаты выспятся спокойно перед пленом. Да и темно к тому же. К чему спешить? Никто уже на запад не едет. Котлы в паровозах потушить? Хорошо. Встречаемся на этом месте завтра, нет, уже сегодня в 6.00.

До назначенного срока, когда уже светало, к всеобщей радости, подъехали четыре грузовика с пехотой, еще один с боеприпасами, два броневедомокола из взвода Иванова и бензозаправщик. Персов приказал Иванову обслужить свою бронетехнику, а переговоры с поляками взял на себя. Майор скинул комбинезон со шлемофоном и облачился в черную кожаную

куртку с командирской фуражкой. Умылся из фляги и даже успел побриться умелой рукой, не порезавшись.

Во время обсуждения условий сдачи, слух Персова среди польского пшеканья неприятно резануло слово «жид». Круглое лицо майора побагровело и он расстегнул кобуру ТТ:

– Кому-то не нравится моя национальность? – не повышая голос, спросил он. (Все смолкли). – Кто сказал? Пусть выйдет.

– Пан майор, – принялся успокаивать Персова чернявый переводчик, – никто не хотел вас обидеть. Это в русском языке для вашей национальности существуют два слова: обычное, так сказать, «еврей» и, так сказать, с обидным смыслом – «жид». А в польском языке, так сложилось, слово только одно. И обидным оно у нас не считается. Так же, как и «юде» в немецком. Вы уж извините.

– Все равно, – не успокаивался майор, не убирая руку с расстегнутой кобуры, – пусть выйдет! (Поручик перевел и вперед протиснулся побледневший белобрысый капитан). – Что он говорил? Когда меня так *необидно* назвал?

– Он удивлялся, что в Красной Армии еврей может командовать батальоном.

– Передайте ему, что в Советском Союзе все нации равны. Командир батальона – это ерунда. Евреи у нас командуют и полками, и бригадами, и дивизиями, и корпусами, и армиями. Главное – личные качества. Пожалуйста: командир авиакорпуса – Яков Смушкевич, командарм – Григорий Штерн. Оба только что командовали нашими войсками в победных боях на Халхин-Голе, это в Монголии, если кто не знает или позабыл, где мы японцев разбили. В соседней с нами армии танковую бригаду возглавляет комбриг Кривошеин Семен Моисеевич. Еще вопросы по национальности будут? (Поляки молчали). Тогда продолжаем обсуждать условия сдачи ясновельможного польского панства советскому майору-еврею.

Продолжали недолго. Ясновельможное польское панство приняло все требования, выставленные майором, хоть и евреем. А куда им было деваться? С танками воевать?

Пока поляки аккуратно складывали оружие у эшелонов, экипажи лейтенанта Иванова заправили и привели в порядок свою бронетехнику, пополнили израсходованный боекомплект, плотно позавтракали и улеглись рядышком, подстелив под себя и укрывшись брезентом сверху, отсыпаться в посадке возле своих машин. Ждали прибытия подкрепления в виде танков и пехоты.

4. Встреча на перекрестке.

Вестовой Персова позвал Иванова к комбату. Новое-старое задание – продолжать разведку в сторону Дубно. По коням! Опять впереди всех два броневика с красными флагами на башнях: Сердюка и самого комвзвода. Колька опять через открытую в походном положении бронезаслонку глотает пыль, поднятую первой машиной. Не привыкать. Пыль – не пули. Лишь бы не стреляли.

Проехали село Рачин, встретив, кроме мирных жителей, только усатого полицейского на велосипеде и с карабином за спиной. Полицейский остановил на обочине свой педальный агрегат и спокойно проводил взглядом чужие броневики. Стоящий в своей башне Сердюк приветливо помахал ему рукой – полицейский не ответил, но и убежать не стал. За селом, почти сразу, начиналось Дубно.

На въезде прямо у дорожного знака в седлах расслабленно восседали полдесятка всадников в стальных касках – уланский патруль. Карабины кавалеристов мирно торчали стволами вверх наискосок за спинами, эфесы сабель спокойно желтели отполированной до блеска латунию в закрепленных под левыми крыльями седел стальных ножнах – к бою никто не готовился. Сердюк сбавил ход и медленно приблизился к патрулю. Иванов молчал и Колька, включив нейтралку, осторожно подкатился по инерции к корме переднего броневика.

– Стой, – скомандовал Иванов, и Колька плавно нажал на тормоз метрах в пяти от первой машины. Откинулась правая дверца броневика Сердюка и на дорогу выбрался пулеметчик Никитин. Он о чем-то переговорил с верхоконными и вернулся к своему отделенному. Доложил. Получил у него несколько листовок с речью Молотова и отнес нагнувшемуся с седла улану. Приветливо махнул на прощанье полякам рукой и быстрым шагом вернулся к своей машине. Опять переговорил с Сердюком и, наконец, подошел к терпеливо ожидающему в открытом верхнем люке Иванову.

– Товарищ командир, они говорят, – Никитин кивнул на поляков, – их пан полковник получил приказ в бой с Красной Армией не вступать и сопротивления не оказывать. В городе в основном тыловые части: несколько тысяч солдат и несколько эшелонов с имуществом. Их пан полковник ждет кого-нибудь из советских старших офицеров, уполномоченных вести переговоры.

– Ясно, – кивнул Иванов и слез на землю, – пошли, – скомандовал Никитину. Они уже вдвоем подошли к уланам, сидящим на крупных черных лошадях. Лошади, изредка шевеля губами, позвякивали свисающими удилами и лениво обмахивались хвостами, отгоняя надоедливых осенних мух.

– Скажи им, – приказал пулеметчику, – что офицеров в Красной Армии нет. А наши старшие командиры скоро придут и пообщаются с их паном полковником. (Никитин повторил по-украински. Уланы, похоже, в основном поняли). – Спроси: мы можем проехать через Дубно?

– Говорят, – перевел Никитин ответ, – что двумя броневиками лучше в город не заезжать. Не все согласны с мнением полковника – не сопротивляться Советам. Есть недовольные и среди гражданских, особенно среди молодежи. Запросто могут на улице бутылку с бензином кинуть.

– Поблагодари за предупреждение, возвращаемся.

Они вернулись к командирскому броневика и лейтенант приказал Голощапову связаться с батальоном, сообщить обстановку и запросить дальнейших указаний. Указания получили: танки и пехота на подходе, не ждать, объехать Дубно проселками, выехать обратно на шоссе и продолжать разведку теперь уже в направлении Луцка. Опять подошли к полякам. Доброже-

лательные уланы, нагнувшись с коней, охотно объяснили по карте лейтенанта, вставленной под целлулоид палетки, удобный маршрут объезда города. Поблагодарили и распрощались.

По машинам и вперед. Оглянувшись назад, Иванов удовлетворенно заметил показавшуюся вдаль на шоссе танковую колонну. Уланы не обманули. Следуя их советам, разведдозор Иванова беспрепятственно объехал Дубно проселками, выбрался на твердое гравийное покрытие шоссе и двинул на северо-восток. Дашь Луцк!

Несколько придорожных сел и местечек проехали без приключений. Армейские части на пути не попадались, даже ни одного полицейского на велосипеде не встретили. В одном селе, похоже, украинском, где им пришлось притормозить, пропуская стадо коров, их угостили кувшином молока, бутылью мутноватого бимбера (самогона), двумя пышными караваями, несколькими кольцами жирной домашней колбасы и корзиной яблок. Взяли, не обижать же приветливый братский народ. Правда, до привала командир запретил пить (особенно бимбер) и есть (разве что, яблоки).

Иванов, выглядывающий по пояс из башни, защищенный спереди поднятой полукруглой крышкой люка, периодически подносил к глазам бинокль и через пылезащитные очки напряженно всматривался вперед и в стороны. Их дозор (он сверился с картой) приближался к очередному перекрестку дорог. По поперечному шоссе с востока на запад в пешем строю двигалась довольно длинная колонна. Военная колонна. Судя по более темному, чем в Красной Армии, защитному цвету мундиров – польская.

Бронеавтомобили, не сбавляя скорости, катили к перекрестку. Поляки почему-то перестали спокойно двигаться на запад и забегали, засуетились. В конце их остановившейся колонны Иванов заметил несколько конных упряжек, свернувших в поле по эту сторону дороги. Наведя на них бинокль, он внезапно понял, что поляки снимают с передков пушки. Две маленькие невысокие пушечки. Похоже, противотанковые. Растянувшаяся в линию пехота сноровисто залегла в кювете за поперечной дорогой. Две группы солдат отделились и побежали навстречу дозору с двух сторон вдоль уже их шоссе взводными колоннами по три человека в ряд, норовя охватить приближающиеся русские броневики с флангов.

– Гурин, стоп! – скомандовал Иванов. – Минько, осколочным без колпачка. Заслонки и створки закрыть. Наблюдать в щели.

Оглянувшемуся, тоже заметившему неладное Сердюку, Иванов сделал знак руками остановиться и показал на снимаемые с передков польские орудия. Первый броневик тут же затормозил, Сердюк нырнул вниз, захлопнув крышку люка, и его башня стала поворачиваться, выцеливая левую пушку. Иванов тоже скрылся внизу, выключил оба стопора и торопливо завертел маховик поворота на второй скорости, поглядывая в оптический прицел. Первую, левую, пушку он пропустил, оставляя Сердюку, а когда в поле зрения показалась вторая, переключился на первую скорость поворота башни, подвел точнее и стал наводить по вертикали. Расстояние до цели было метров четыреста – можно бить прямой наводкой.

Паны явно готовились к бою, но первым открывать огонь ему все же не хотелось: еще оставалась крошечная надежда решить дело миром. В приближающий прицел лейтенант хорошо видел умелые и слаженные действия обученных расчетов. Они развели станины, воткнули в землю сошники, поднесли снаряжные лотки, передали снаряды и зарядили. Тонкий хобот правого орудия повернулся и, кажется, смотрел ему прямо в лоб.

– Коля! – крикнул Иванов в ТПУ, – включай заднюю и по моему сигналу рывком назад.

Сам лейтенант повернул башню немного вперед, наведя перекрестье метров на десять левее польской пушки, и, мягко поставив ногу на педаль орудийного спуска, напряженно следил за ставшим на одно колено между пушками поляком с биноклем у глаз, похоже, артиллерийским командиром. Вот он поднял руку вверх: сейчас скомандует стрелять. А хрен тебе, ясновельможный.

– Назад, – резко выкрикнул Иванов, и броневик рванул задним ходом за мгновение до вспышки польских пушек. Командир тут же сам нажал на педаль спуска, и башенная сорокапятка зло огрызнулась огнем – небольшой огненно-черный султан разрыва пыхнул за правой вражеской позицией. Перелет. Упал подбегающий с двумя лотками в руках подносчик снарядов. Лейтенант чуть опустил прицел и взял упреждение – разрыв с недолетом между польских пушек. Трудно попасть в движении.

– Короткая, – скомандовал водителю. – И вперед.

После очередного не меткого выстрела Колька рванул машину вперед. По броне безвредно зацокали пули: расположившиеся вдоль поперечной дороги поляки открыли беспорядочный пулеметно-ружейный огонь. Обе вражеские скорострельные низенькие пушечки продолжали без остановки выплевывать желтые языки пламени и броневой снаряды. Минько, раз за разом открывая затвор, выбрасывал в гильзоулавливатель стреляную гильзу и сразу заряжал осколочным, предварительно сняв колпачок. Лейтенант раз за разом промахивался, но и поляки не попадали в рывками непредсказуемо дергающуюся то назад, то вперед бронемашину.

Сердюк, к сожалению, тронуть с места свой броневик не догадался или не успел. По нему, похоже, попали: он выстрелил только один раз, промахнулся и замолчал.

– Короткая, – в очередной раз крикнул Иванов. – И назад.

Поляки опять промахнулись, а снаряд Иванова взметнулся взрывом прямо перед правой пушкой. Кто-то из орудийного расчета упал, задетый осколком. Броневик, ускорившись, все катил назад.

– Стоп! – скомандовал Иванов Кольке. – Съезжай в левый кювет, чтобы только башня над дорогой торчала. Так. Хорошо. Еще метр. Стоп!

Броневик удачно скрылся в широкой в этом месте низине придорожной канавы, защитив свой корпус дорожной насыпью и повернув в сторону пушек только маломерный лоб своей низкой башни. Теперь лейтенант получил возможность почти безнаказанно, как на полигоне, расстреливать расположенные практически в чистом поле вражеские позиции. И он их расстрелял. Сперва его поставленный на удар осколочный снаряд угодил прямо в щит правого орудия – откинута взрывом пушка повернулась вбок и осела. Добавил еще, не меняя наводку. На очереди левая, погубившая броневик Сердюка. Взрыв перед ней. Чуть приподнял ствол. Следующий снаряд метко угодил прямо в цель – отлетело колесо, и пушка ткнулась тонким на таком расстоянии хоботом в землю. Разбегающиеся от покореженных пушек расчеты. По ним зачем снаряды тратить? Из спаренного пулемета их, гадов. Иванов перенес ногу с левой педали пушечного спуска на правую пулеметного и, умело меняя наводку двумя маховиками, дал длинную очередь почти на треть диска. Залегли. Кто убит или ранен, кто затаился.

– Слева подбегают, – внезапно закричал Колька, наблюдая через триплекс в узкую переднюю щель опасно приблизившихся по полю пехотинцев. Около трех десятков поляков бежали плотной взводной колонной метрах в ста слева по сжатому полю, стремясь зайти советским броневикам во фланг. Продолжали безвредно, видно, для отвлечения внимания, стрелять из винтовок и ручных пулеметов солдаты, залегшие (торчали только каски) вдоль поперечной дороги. Броневик Сердюка не двигался и молчал. Но и не горел.

– Картечь, – скомандовал Иванов, переключил механизм поворота башни на большую скорость и в бешеном темпе завертел штурвальчик. Минько быстро, но осторожно, дернув за рычаг затвора, извлек из зарядной камеры уже вставленный в нее осколочный снаряд; подхватил его второй рукой, не дав упасть в мешок гильзоулавливателя; одел обратно колпачок для фугасного действия и вернул в боеукладку. А на его место дослал в ствол картечный выстрел.

Взвод бегущих строем по три в ряд с винтовками наперевес поляков неумолимо накачивался. Вот они уже на уровне броневика Сердюка. Десяток отделился и повернул к нему – добивать экипаж. Остальные продолжали свой бег ко второй машине. Иванов еще чуть подкрутил наводку и уверенно нажал ногой на левую педаль. Выстрел картечью меньше чем с

полсотни метров смел два десятка набегающих тесной колонной поляков подчистую. На ногах не осталось никого. Конечно, погибли не все из них, но выжившие предпочли вжаться в землю и старательно изображать из себя мертвых.

Как и положено (пока командир не скажет «не заряжай» или не назовет другой боеприпас), Минько, не медля ни секунды, опять дослал в пушку картечный выстрел. Иванов повернул башню правее, и следующая порция круглых свинцовых пуль хлестнула расходящимся веером по кормовой броне передней красноармейской машины, сметая обступивших ее врагов. Добывая оставшихся в живых, длинно застрочил курсовой пулемет Голощапова. Патронов Олег не жалел.

– Впереди справа за дорогой до взвода пехоты, – предупредил поглядывавший между обслуживанием пушки в боковую щель и открытый прицел спаренного пулемета Минько.

Иванов повернул башню и ожидаемо заметил вторую бегущую польскую взводную колонну уже справа от дороги. Вот только, увидев бессмысленную гибель своих товарищей по другую сторону шоссе, бежали они уже обратно, к своим. Бежали в беспорядке, сгрудившись толпой и гораздо быстрее, чем сюда. До этого боя Иванов бы их, ясное дело, пожалел и дал уйти. Но не сейчас, не после подбитой машины Сердюка. Для картечи они были уже далеко-далеко. Осколочным? Еще залягут после первого же разрыва – потом выковыривай их с поля.

– Гена, меняй диск на полный и сам берись за пулемет, – командовал он, поворачивая маховиком башню на новую цель. – Огонь с задних рядов вперед справа налево до полного уничтожения; я буду доворачивать.

Иванов, быстро работая маховиками, грубо подвел прицел спаренной установки к правому заднему убегающему поляку. Минько, схватив рукоятку пулемета, точнее, в пределах свободного хода в 5° по вертикали и горизонтали, навел ДТ на противника и пальцем нажал на гашетку. Пока Иванов, крутя маховик, поворачивал башню обратно, Минько, как косой, скашивал длинной очередью тесно бегущих пехотинцев. Пули сперва настигли задние ряды, а передние, не зная о гибели своих товарищей, вместо того, чтобы упасть на землю еще живыми и затаиться, продолжали бежать во всю прыть, в надежде на спасение. Командир с башенным стрелком, потратив все 63 патрона из толстого трехрядного диска, сшибли на землю всех. Весь взвод. Убитые, раненые, живые – потом разберемся. Так им. Пся крив! За наших! Не хрен было нападать. Минько тут же заменил опустошенный диск на полный.

– Справа! Плюс тридцать. Пушку поднимают! – крикнул Голощапов, заметивший в свою боковую щель, защищенную триплексом, как остатки расстрелянных орудийных расчетов переворачивали обратно одну из подбитых пушек.

– Осколочный без колпачка, – тут же отреагировал Иванов.

Минько заменил снаряд, а Иванов повернул башню, быстро прицелился и выстрелил. В спешке в самую пушку он промахнулся, но близкий разрыв разметал нескольких человек – уцелевшие прыгнули в стороны.

– Гена, пулемет. По убегающим, – командовал лейтенант. Минько перезарядил пушку и взялся за спаренный пулемет. Несколько короткими очередями довольно быстро разогнал или положил на землю артиллеристов. Когда прекратилось видимое шевеление на расстрелянной позиции, Иванов опять заработал маховиками. Прицелился более тщательно и вторым выстрелом накрыл саму пушку. Добавил для верности еще один снаряд – теперь вряд ли из нее паны поляки стрелять смогут. Потом, на всякий случай, добил и левое орудие. После частого грохота башенной сорокапятки и треска обоих пулеметов в броневом автомобиле, удушающе наполненном пороховыми газами и жаром от работающего мотора, наступила, можно сказать, тишина. Не считать же теперь шумом легкое тарахтение собственного двигателя на холостых оборотах?

Иванов смахнул едкий пот с бровей, припал глазами к панорамному перископу и, поворачивая его рукой, принялся внимательно изучать обстановку вокруг. Поляки, залегшие за

поперечной дорогой, стрелять перестали. Виднелись только их торчащие в ряд каски защитного цвета. Тела, зеленеющие на коричнево-желтой, после сжатого урожая, земле в нелепых позах слева и справа от шоссе не шевелились. Сзади никто не угрожал.

Иванов довернул башню на ноль, откинул вверх полукруглую броневую крышку люка и осторожно выглянул над ней с биноклем, заодно проветривая боевое отделение. Поляки не стреляли. Бинокль приближал лучше панорамного перископического прицела и смотреть стало удобнее, дышать тоже. Среди лежащей вдоль поперечной дороги цепи Иванов отметил несколько пулеметных расчетов. Слева и посерединке виднелись ручные (как их предыдущий трофей) на сошках, а справа, в конце отряда, почти напротив разбитых пушек, за дорогой – парочка плохо замаскированных станковых на треногах, которые, наверное, везли на повозках в арьергарде рядом с пушками. На левой части дороги внимание Иванова привлекла группа поляков не в касках, а в добротных угловатых фуражках и не с мягким, как он видел у рядовых, а с жестким верхом; у нескольких были бинокли. Офицеры! Мать их. По команде кого-то из этой группы их и атаквали.

Иванов опять спустился в душную башню, не закрывая люк, и навел пушку на группу в фуражках с биноклями. Еще громче из-за открытого люка бахнула собственная пушка. Небольшой султан взрыва с недолетом поднялся прямо на поперечной дороге перед офицерами. Не меняя прицел, добавил. Погибли польские командиры или нет – было не понятно, но больше никто с биноклями и в добротных угловатых фуражках на этом месте не маячил. Скрылись в кювет и ближайšie к месту обстрела солдаты в касках. Иванов довернул башню вправо на плюс тридцать, где, слегка скрытые дорогой, стояли, растопырив треноги, станковые пулеметы. Навел и семью снарядами разметал их вместе с расчетами к такой-то матери.

Потом решил планомерно заняться огневыми точками ручных пулеметов вдоль дороги. Начал справа. Выстрел. Промач на пять метров вправо. Выстрел. Недолет. Все еще невредимый пулеметчик, подхватив свой браунинг, скрылся в кювете за дорогой. Исчезло и большинство касок над поперечной дорогой – поляки попрятались, оставив только нескольких низко пригнувшихся наблюдателей.

– Гурин, выезжай на шоссе и стань перед машиной Сердюка, – скомандовал Иванов, прекратив мало результативную стрельбу.

– Есть, командир.

Колька осторожно выехал из спасительного кювета на шоссе; стараясь не наезжать на лежащие вокруг переднего броневика вражеские тела (хотя несколько раз ему это не удавалось и тяжелая машина слегка переваливалась на колесах, давя податливую человеческую плоть), объехал броневик Сердюка слева; медленно сдал задним ходом, руководствуясь подсказками лейтенанта, выглядывающего из люка назад, и остановился буквально в паре метров от его капота. Иванов через бинокль очень внимательно огляделся вокруг. Ничто опасности не внушало.

– Замените, если мало осталось патронов, диски, – напомнил экипажу командир. – Голощапов, Минько, во все глаза следите за поляками вдоль дороги. Чуть что – бейте без команды. Лучше лишнего убьете, чем позволите кому-нибудь выстрелить. Гурин, глуши мотор и выходи наружу. Проверь, что с ребятами.

– Есть, командир.

Колька заглушил мотор, расстегнул кобуру и осторожно вышел из броневика, прикрыв, но не захлопнув, обратную дверцу. Иванов нырнул вниз, в боевое отделение, взял трофейный ручной пулемет и брезентовые под сумки с запасными короткими магазинами, снова высунулся из башенного люка, поменявшись местами с Минько, снял оружие с предохранителя и с лязгом передернул затвор. Поручив пулеметчику и башенному стрелку следить за дальними поляками, сам решил обезопасить экипаж и особенно незащищенного броней Кольку от, вполне

возможно, затаившихся в поле и на дороге вокруг броневика среди убитых очень даже живых вооруженных врагов.

Подбегая к машине товарищей, Колька заметил пробоину с вогнутыми вовнутрь краями аккуратно под передней броневой заслонкой водителя. Пробита была и левая часть маски пушки. Разворочена, похоже, изнутри, бронезаслонка в водительской дверце. Он дернул эту дверцу – заперта. Позвал товарищей, погрюкал кулаком – тишина. Оббежав вокруг, увидел развороченную в двух местах правую сторону бронированного капота и еще одну дыру от снаряда сбоку в конце боевого отделения. Подергал дверцу пулеметчика – тоже не открывается. Опять покричал и постучал – глухо. Как в танке. Хотя, это и броневый автомобиль. Стал на подножку под дверь пулеметчика; с нее, держась за ствол пушки, повернутой на 30° вправо, – на широкое заднее крыло; оттуда – на крышу башни. Полукруглый башенный люк был опущен, но не заперт на защелку и Колька, потянув на себя, смог откинуть его в вертикальное положение...

Изнутри тошно и едко пахло створенной взрывчаткой, свежей кровью и содержимым кишечника. Когда глаза привыкли к полутьме, Колька разглядел на полу боевого отделения под башней два беспорядочно переплетенных между собой тела, соскользнувших со своих сидений. Темно-синие и до этого грязные и промасленные комбинезоны были разорваны и густо залиты черным. Хочешь, не хочешь, а в середку лезть надо. Может, кто и живой остался – раненный. Осторожно, стараясь не наступить на тела товарищей, побледневший от ужаса – аж веснушки пропали – Колька спустился вниз. С трудом сдержал рвотный позыв, пересилил (я же мужик!) ударившую в голову панику и, частично отрешив сознание, осмотрел первое тело. Еще с полчаса назад это был башенный стрелок Семочкин. Сейчас перед Колькой в исковерканной позе лежал еще теплый труп с безобразно развороченной спиной и правым боком.

Колька зачем-то (вроде это было сейчас нужнее всего) прикрыл ему глаза, по возможности бережно отодвинул в сторону и с еще большим содроганием посмотрел на второго. У командира экипажа Сердюка совершенно не было лица, глубоко иссеченная грудная клетка сквозь черную кровь кое-где белела осколками ребер, а из вспоротого живота жутко вывалилось на пол безобразное месиво сине-красных внутренностей. Похоже, броневой снаряд, пробив маску пушки, разорвался прямо перед ним. Колька, с трудом преодолев жалость к убитым товарищам и безразличность к их обезображенным трупам, отодвинул изуродованные останки отделенного ближе к корме; низко нагнулся к залитому черным и липким полу и еле смог заглянуть под переднюю снарядную укладку и бензобаки в отделение управления.

Водитель Дубенко навалился влево на свою дверь и тоже был мертв еще с самого начала боя. Легко преодолевший, хоть и под углом, лобовую броню 37-мм снаряд почему-то не взорвался и, просто как болванка, размозжил ему голову до неузнаваемости. Сделав свое убийственное дело, снаряд изнутри врезался в триплекс и, разворотив его вместе с броневой заслонкой, вылетел наружу.

Остался пулеметчик. Никитин. Завалившийся головой вперед под свой пулемет. Живой! Мать-перемать! Даже застонал, когда Колька его тронул. Никитину еще повезло, что ни один снаряд или осколок не пробил внутренние бензобаки. Если бы это произошло, то, судя по рассказу Голощапова, он бы сгорел вместе с полыхнувшей машиной. А там бы и снарядная боеукладка рванула... Гурину с трудом удалось протиснуться верхней половиной своего небольшого, хоть и мускулистого туловища вперед и приподнять защелку на правой дверце. Пролететь целиком в тесное отделение и так занятое двумя телами (раненым и мертвым) он не смог. Поэтому вернулся в башню, выбрался через верх, прыгнул на дорогу и распахнул отпертую дверцу пулеметчика.

Внезапно непривычным тархтенем совсем рядом заработал незнакомый пулемет (свой ДТ, он запомнил, стучал не так). Колька присел у броневика и судорожно полез в расстегнутую заранее кобуру. Тархтеня прекратилась. Стрелял командир из трофейного браунинга.

По «ожившему» справа на поле поляку стрелял. Теперь поляк умер уже окончательно и притворяться перестал. Иванов помахал Кольке рукой: мол, все в порядке, продолжай.

– Только Никитин живой, – уведомил Колька командира.

– Что с ним?

– Еще не знаю, – пожал плечами бледный как смерть Колька, – но он хоть дышит.

Остальные – всё. Мертвы.

– Сам его не тащи из машины. Сейчас Голощапов тебе поможет.

Из броневика, низко пригибаясь, выбрался на дорогу курносый радиотелеграфист-пулеметчик и подбежал на помощь.

Пока они соображали, как сподручнее вытащить раненного товарища наружу, решил пострелять кто-то из поляков, залегших за поперечной дорогой. Самого выстрела они не слышали – пуля неприятно чпокнула в броню рядом с ними, отбив зеленую краску до блеснувшего металла, и ушла в рикошет. Голощапов сразу загородился от польской цепи приоткрытой на 90° дверцей, а Колька перегнулся вовнутрь и, поднатужившись, в одиночку взгромоздил бессознательного отяжелевшего Никитина на его же собственное сиденье.

В ответ на польский выстрел грохнуло осколочной гранатой башенное орудие, и опорожнил до конца вдоль поперечной дороги малоемкий магазин трофейного пулемета Иванов. Поляки попрятали в кювет свои плохо защищенные касками головы и больше не привлекали к себе внимания.

Голощапов перехватил расслабленное тело Никитина под мышки и потянул из кабины, Колька взялся за обутые в грязные сапоги ноги. Нести было неудобно: безвольное тело провисало почти до земли. Положили Никитина прямо на дорогу за кормой своего броневика и стали осматривать. На залитом кровью и забрызганном мозгом комбинезоне никаких лишних дырок не нашли. Осторожно сняли шлемофон: голова в крови, но, вроде, цела. Расстегнули комбинезон и гимнастерку: спереди никаких ран, так, мелкие царапины да синяки. Бережно перевернули на спину – тоже без повреждений. Лейтенант с башни бросил флягу и индивидуальный пакет. Крикнул:

– Голову промойте.

Так и есть: небольшой осколок пробил шлемофон, вошел в череп слева и застрял. Даже край наружу торчит.

– Это от брони осколок оторвался, – оценил ранение более опытный хоть и тоже до Польши не воевавший Голощапов. – Если не глубоко вошел и мозг сильно не поврежден, глядишь, еще и выживет.

Пулеметчик довольно умело перебинтовал голову Никитина поверх осколка и застегнул на нем обратно одежду. Под затылок заботливо подложил его же шлемофон. Порядок. Чем еще товарищу поможешь? В медсанбат бы надо. Командир сверху все видел и распорядился:

– Там тень. Пусть пока полежит. Голощапов, к рации. Свяжись с батальоном. Гурин, броневик Сердюка на ходу?

– Не знаю. Там капот пробит в нескольких местах. Я проверю.

– Давай.

Колька приподнял правую пробитую заслонку капота: снаряд, с легкостью преодолев тонкую противопульную броню, разворотил и мягкий алюминиевый блок цилиндров. Дальше можно было не проверять, и Колька опустил заслонку обратно.

– Каюк двигателю, – ответил на вопросительный взгляд командира. – Может, ребят достать, пока тела не заоченели?

– Правильное предложение. Сейчас Голощапов тебе поможет. Связи все равно нет.

И Олег помог. Вдвоем они вытащили, неприятно измазавшись, всех троих на дорогу, а потом бережно уложили в ряд на обочине, в сторонке от убитых поляков. Колька отрезал своим трофейным штыком кусок брезента и лопатой, взятой с броневика, собрал на него с пола

оторванные ошметки тел, стараясь не рассматривать этот кровавый дурнопахнущий кошмар. Связал брезент узлом и положил рядышком с телами.

– Может, похороним? – спросил Колька командира.

– Потом, – вздохнул командир. – Ребята теперь и подождать могут – они теперь не спешат.

С батальоном связи нет. Голощاپов, – окликнул радиотелеграфиста-пулеметчика, – иди снова попробуй наладить. Нам пока одной машиной дальше двигаться смысла нет, но с оставшимися панями разобраться не мешало бы, – командир кивнул в сторону залегшей в нескольких сотнях метров впереди цепи. Но сначала... Гурин, ты смотрел: там пушка и пулеметы в порядке?

– Вроде, да. Но специально я их не разглядывал.

– Тогда так: нельзя вот этих вот, он кивнул на скошенных картечью и пулеметом поляков вокруг, без проверки оставлять. А то, двинемся мы вперед – с теми за дорогой разбираться, а тут вскочит какой-нибудь притворяющийся убитым, заберется в пустой броневик, да и влупит нам в корму бронебойным. Подойди. На вот тебе твой *любимый* пулемет. И подсумки с запасными магазинами нацепи. Проверишь: нет ли живых.

– А если есть? Застрелить?

– Ты ведь из Харькова. По-украински говоришь?

– Конечно. В колонии в школе учили.

– Ты вначале подойди к ним поближе и громко крикни, чтобы, кто живой, вставали и сдавались. Мол, кто сам не сдастся, – ты застрелишь. А дальше обойди всех, в чьей смерти сомневаешься – пни ногой или сразу стрельни. Особо не зверствуй: раненых не добивай. Мы, все-таки, Красная Армия, а не германские фашисты какие-нибудь.

– Понял, товарищ командир, в смысле, есть, – кивнул Колька, застегивая на себе второй пояс с подсумками для магазинов и беря тяжелый ручной пулемет поудобнее.

– Для одиночной стрельбы ставь флажок переводчика огня в переднее положение, для автоматической – в среднее. Я на практике выяснил.

– Ясно, – бросил взгляд на переводчик огня Колька.

– Погоди, Гурин, – спохватился Иванов, – постой пока. Я, получается, тебе свой пулемет отдал, а сам останусь тебя прикрывать с одним лишь биноклем и наганом. Голощاپов, связи все нет?

– Нет, – ответил тот.

– Тогда сбегай в броневик Сердюка, сними мне курсовой пулемет и принеси. И диски прихвати, сколько сможешь.

Голощاپов принес вынутый из шаровой установки ДТ с парой запасных дисков и передал все на башню командиру.

– Вэльмышановни паны ляшськи воякы! – закричал Колька. – Кто з вас щэ живый, прошу встати бэз збройи з пиднятымы до горы рукамы. Обицяю жыття. Рахую до п'яты. Потим пэр-эвирую кожного. И хто сам не встав – вбью бэз жалю. Одын, два, тры, чотыры, п'ять – я пишов шукать. Хто нэ встав – я нэ вынэн.

Никто не отозвался и Колька начал с осмотра тел, лежащих на дороге. Судя по многочисленным кровавым ранам на мундирах – вокруг броневика живых не было. Правда, кое-кого он сапогом все-таки пошпынял. Исключительно на всякий случай. Колька вздохнул и углубился в поле, где среди желтеющей на коричневой земле стерни вповалку лежали жертвы первой картечи.

Большим пальцем он поставил флажок переводчика огня в среднее положение и для острстки, а также из чисто ребячьего желания опробовать незнакомый пулемет, дал короткую очередь над полем. Браунинг непривычно и тяжело забился в руках, постепенно задирая ствол вверх, на землю мягко посыпались пустые маслянисто блестящие гильзы. Боязливо приподнялся один солдат, вытягивая вверх трясущиеся руки.

– Йды сюды, – позвал его Колька, – нэ бийся.

Поднялись еще несколько человек, один мог поднять только левую руку: пробитая правая висела окровавленной плетью.

– Ходь до мэнэ! – приказал Колька, – Уси! – и они медленно подошли. Кто хромал, кто просто боялся, многие были ранены.

– Стояты! – остановил Колька первого подошедшего метрах в трех от себя. Остальные поняли и, приблизившись, стали рядом.

– Гэть усю зброю, ножи, амуныцию та набойи кынуты на зэмлю, – продолжал командовать Колька. – Потим я вас усих обшукаю – у кого знайду хоч складаный ниж – розстриляю на мисти к бисовой матэри! Пся крев! (вспомнил он польское ругательство).

Поляки, большей частью поняв ультиматум, послушно скинули перед собой остававшееся на них снаряжение и вывернули карманы. Обыскивать их Колька не стал, а приказал выйти на шоссе в десяти метрах впереди от своего броневика и сесть прямо на дорогу. Руки разрешил опустить. Хромающего последним солдата он задержал.

– Стий, – сказал ему. – Ты поранэный?

Поляк кивнул и показал на пропитавшуюся кровью штанину на бедре.

– Визьмы, що тоби трэба для пэрэвъязкы. И соби, и товаришам, якшо йим тэж потрибно.

– Джьенькуе бардзо, – поблагодарил поляк и, порывшись в груди амуниции, вытащил несколько перевязочных пакетов.

– Йижу та воду тэж визьмы. Скильки трэба. Дозволяю, – добавил заботливый Колька. Правильно сказал командир: мы ж не фашисты германские.

Поляк вывернул содержимое чужого подобранного ранца на землю и загрузил доверху перевязочными пакетами, фляжками, консервами в жестяных банках и холщевыми мешочками. С трудом забросил набитый ранец за плечи и, слегка обнадеженный, что еще поживет, захромал к своим. У Кольки даже промелькнула мысль помочь раненому нести тяжелую ношу, но он ее от себя отогнал, как легкомысленную и чересчур милосердную. Война, однако. Мы хоть и не фашисты, но пусть паны поляки знают свое место. Не хрен было на нас нападать. Сдались бы, как прочие нормальные поляки уже два дня делают – были бы все живы и здоровы.

Пленные сели на дороге под присмотром пулеметов броневика, а Колька двинулся дальше – проверить не вставших. В смерти большинства сомневаться не приходилось – достаточно было только беглого взгляда. Не требовалось ни сапогом шпынять, ни пулю тратить. Если бы Колька до этого не насмотрелся вблизи на изуродованных смертью товарищей в броневике, он мог бы и не справиться со вновь подкатывающей к горлу тошнотой. Но приходилось держать марку, в том числе и перед панами. Нечего им знать, что это всего лишь его второй бой и вторые увиденные вблизи убитые.

Кто-то из солдат упал лицом вниз и на его спине виднелись выходные отверстия свинцовых картечин: страшные рваные раны, обрамленные ключьями мундира. Кто-то поймал картечину уже на излете, ослабевшую, пронзившую до этого тело товарища. У этих не было пробоин на спине, но неестественные позы: подломленные под себя руки или ноги, вывернутые шеи – однозначно не могли принадлежать живому человеку. Кого-то картечь опрокинула назад. Тут тоже все было ясно: небольшие аккуратные черные дырочки в промокших вокруг от крови мундирах. Кто в грудь получил, кто в живот, кто в лицо под каску.

А этот куда получил? Лежит себе спокойно лицом вниз, мундир на спине целый, ноги не вывернуты, левая рука согнута в локте и в нее уткнулась голова в каске, правой рукой винтовку держит. Сапогом его стукнуть? Или стрельнуть? Э! Да он никак дышит! Колька решил стрельнуть и клацнул переводчик огня в переднее положение. Зачем очередь? Одиночного хватит. «Труп», услышав остановившиеся над ним шаги и слабый металлический шелчок, все понял, повернулся и тоненько заголосил:

– Ни стшэлай.

Колька наставил ручной пулемет на бледного поднимающегося на ноги поляка. Светлоглазый щуплый перепуганный парнишка. Наверное, ровесник самому Кольке.

– Ни руб тэго, – умолял поляк, вытянув вверх трясущиеся руки. Его брюки и низ мундира были мокры, и Колька не сразу понял, что это у него не кровь. Юный солдатик от страха всего лишь обмочился. Говорят, бывает. Сам Колька, даже при страшном испуге, никогда потребности в этом не испытывал.

– Чому ты нэ здийнявся до горы, колы я пропонував цэ зробыты? – спросил Колька, не отводя от парнишки нацеленный пулемет.

Понял его парнишка или нет, но пропшекал он в ответ, что-то совсем уж непонятное Кольке. Что-то вроде: «Булэм пшоражонэ». Поражен он был что ли? Не все слова, как видно, в польском и украинском сходны. И что теперь? Пристрелить его, как и обещал? Но мы же не фашисты. Испугался его ровесник. Ясное дело. А-а-а. Хрен с ним. Пусть живет.

– Усю зброю, набойи, амуницию, ножи кыдай на землю та йды до своих. Зассянэць.

Обрадованный парнишка, освободившись от всего, потрусил по полю на шоссе, не опуская задранных рук. Колька продолжил обход павших. Нашел еще двоих живых, но тяжело раненных. Опасности они точно не представляли, но и сами явно идти не могли. Колька воткнул в мягкую землю возле раненых брошенные винтовки стволами вниз, чтобы найти их было легче. И вернулся на шоссе.

Помилованный им парнишка уже не трясся, а перевязывал простреленного в области ключицы раздетого до пояса сидящего товарища. Колька ему велел, где словами, где жестами, как закончит, сходить обратно в поле и перевязать двоих раненых, возле которых торчат вверх винтовки. Потом сразу вернуться. И не вздумать «баловать»! Сам Колька отправился на другую сторону от шоссе, где командир с башенным стрелком на пару так удачно скосили из спаренного пулемета улепетьвающий обратно второй взвод. Там выживших оказалось больше: шестеро самостоятельно вышли на дорогу, а четверых перевязали на месте и тоже оставили под воткнутыми винтовками.

Успешно справившийся с заданием Колька вернулся к командиру. Остальной экипаж в его отсутствие тоже не бездельничал. Правда, основная работа досталась Голощапову – Минько и сам Иванов были на страже. Олег по очереди отстегнул от курсового и башенного пулеметов парусиновые растянувшиеся мешки гильзоулавливателей со стальными спиралями внутри, вынес их наружу и опорожнил на обочину, открывая снизу защелки, напоминающие крупный женский кошелек с металлическими шариками на конце.

Повыбрасывал туда же стрелянные, до сих пор еще едко пахнувшие сгоревшим порохом, снарядные гильзы. Опустошенные трехрядные магазины пулеметов отнес в подбитый броневик, а на их место в боеукладке вставил набитые оттуда же. Заполнил до отказа и снарядную укладку для орудия. Спросив командира, вытащил из поврежденного броневика все оставшиеся полные пулеметные диски, упаковал их в отрезанные куски брезента и крепко приторочил на задние крылья БА-10 к привинченным над ними цепям Оверолл, используемым для езды по бездорожью. Туда же прикрепил и завернутые в брезент второй пулемет и вынутый, чтобы никто не смог воспользоваться башенным орудием, пушечный клиновой затвор. Занес в кабину гранаты, ракетницу и личное оружие погибшего экипажа и раненого Никитина. Документы отдал лейтенанту. Сел на свое место и опять попробовал радиостанцию – связи с батальоном по-прежнему не было, даже в режиме телеграфа.

По очереди, наблюдая и за пленными (которым Голощапов по приказу командира вынес пару листовок с речью Молотова) и за лежащими вдоль поперечной дороги поляками, подкрепились всухомятку, в том числе и крестьянскими гостинцами (без спиртного, конечно), перекурили. А связи и подкрепления все не было. Залегшие поляки (каска из кювета по-прежнему виднелись) тоже активности не проявляли: и не убегали, и не стреляли.

– Коля, а тебя поляки, которых ты пленил, хорошо понимали? – спросил Иванов.

– Ну, товарищ командир, не так, чтобы очень, слова многие все-таки отличаются. Но жестами я им непонятное кое-как втолковывал.

– Это хорошо. Пошли к ним. Будешь им мои слова втолковывать.

– Спроси, кто у них старший по званию, – велел лейтенант, когда они приблизились к сидящим пленным. Поляки поняли Кольку и вперед вышел солдат с забинтованной рукой на перевязи с тремя желтыми нашивками на погонах. Раненая рука была правой, поэтому он не козырял.

– Старший капрал Грынь, – представился он, и лейтенант Иванов понял это без Колькиного перевода.

– Спроси его, – велел он Кольке, – сколько их, куда направлялись, кто ими командует, и почему приказал напасть на нас.

Колька пересказал вопрос по-украински, подкрепляя слова жестами. Поляк его понял. У них оказался сборный отряд из разных подразделений под командованием майора Скульского. Куда шли – он не знает. Почему майор приказал атаковать, старший капрал тоже не знал.

– Ладно, – кивнул лейтенант, – сделаем вид, что поверили. Переводи. Мы предлагаем его товарищам сложить оружие и не проливать напрасно кровь. За нами идут танки и грузовики с пехотой. Даже наш броневик в одиночку, безо всякого риска для себя, может, приблизившись к залегшему отряду, уничтожить еще много польских солдат. Я ему предлагаю отправиться парламентарем к своим товарищам.

Старший капрал, не раздумывая, согласился. То ли действительно согласен уговаривать своих на капитуляцию, то ли думает просто сбежать. Ладно, не велика птица, даже если сбежит.

– Еще добавь. Я жду ровно 15 минут, после его подхода к своим. После этого, если не сдадутся, атакую. Если его товарищи согласятся на сдачу – они должны поднять белый флаг и выйти безоружными на дорогу, вдоль которой сейчас лежат. И вот, – лейтенант Иванов достал из командирской сумки еще тонкую пачку листовок, – пусть читают, прежде чем решать.

Старший капрал ушел. Идти ему было далеко, время еще было, и командир приказал Кольке дозаправить броневик. Колька хлопнул себя по лбу под шлемофоном: как он сам об этом не подумал? И побежал к подбитой машине. Нашел там пустую канистру, нужный гаечный ключ, залез в жутко пахнущую кабину и, поочередно сливая бензин из обоих внутренних баков, заполнил под завязку свои.

Пока он эти занимался, раненый парламентар дошел до поперечной дороги и скрылся в кювете. Лейтенант Иванов засек время. Он послал Кольку сбежать к сидящим на шоссе пленным, чтобы велеть им передвинуться на поле. Сесть на поле и не разбегаться – ждать приближающиеся части Красной Армии. И не вздумать хвататься за оружие – иначе будет открыт огонь. Они уже повоевали, испытали на себе мощь советского броневика. Еще Иванов велел полякам бережно унести с собой Никитина и ухаживать за ним, как за своим собственным раненым товарищем.

Колька сбежал к пленным и кое-как передал. Пленные согласно закивали головами, замахали руками: что, мол, они не будут ни убегать, ни оружие хватать, и ушли с шоссе. Четверо на раскатанной шинели аккуратно перенесли на поле по-прежнему бессознательного русского пулеметчика.

Когда истек срок ультиматума, вернувшийся Колька запустил еще не остывший мотор, в броневике задраили дверцы, опустили заслонки с триплексами, башенный люк и решительно двинулись в атаку. В плотно закрытой машине сразу стало невыносимо жарко и душно, предстоящий бой с одной стороны, тревожил Кольку, с другой, он был не прочь «отмстить неразумным полякам» за погибших товарищей, хотя особо близок ни с кем из них и не был. Голощапов, напрягая зрение и сжав рукоятку пулемета, пытался следить в узкое отверстие шаровой установки за приближающимися врагами. Лейтенант Иванов обеими руками ласково поглаживал рукоятки маховиков башни и пушки, и внимательно следил в свой телескопический при-

цел за поперечной дорогой. По мере приближения к ней ему приходилось понемногу опускать пушку. Ногу он на педаль спуска пока не переносил, опасаясь случайного выстрела. Минько поглядывал и в прицел спаренного пулемета, и в правую боковую щель, прикрытую триплексом, и даже в заднюю. Касок над дорогой больше не становилось, основная масса поляков, скорее всего, до сих пор скрывалась в кювете.

Когда до вражеской позиции оставалось метров сто, из кювета неспешно, как-то нехотя, поднялась густая длинная шеренга. Руки не поднимали, но и винтовок в руках не было видно. Заполоскался на слабом ветру небольшой белый флаг. Поляки вышли на дорогу и, очевидно по неслышной на таком расстоянии команде, сжались ближе к перекрестку в четыре более коротких и плотных ряда.

– Ну, что, – с облегчением высказался Голощапов, – похоже, война откладывается. Паны, мать их так, соизволили сдаться.

– Соизволили, – согласился Минько. – Только, Олежка, думаю, испугались они не нашего одинокого броневедомокола и разум с совестью у них вряд ли проснулись. Подмога сзади появилась. Похоже, не меньше роты на грузовиках нас догоняют в сопровождении пары Ба-20. Вот поляки и поумнели невзначай.

– Стоп, – скомандовал Иванов. – Здесь наших подождем.

Броневедомокол остановился, подняли, проветривая, все бронезаслонки и башенный люк; слегка приоткрыли боковые дверцы. Иванов стал на свое сиденье и высунулся из башни назад, радостно встречая подходящую колонну Красной Армии. Колонна шла плотно, без боевого охранения обычным походным порядком, как, вроде, и войны вокруг никакой нет и быть не может (может, они забыли, что уже не у себя в Киевском военном округе, а в Польше?). Впереди два легких пулеметных броневедомокола, за ними – полторки тесно набитые запыленной пехотой при полном походном снаряжении: глубокие каски, ранцы со скатками шинелей вокруг; длинные винтовки, уткнутые прикладами в пол, и прочее многочисленное солдатское снаряжение, обвешанное вокруг бойцов. Когда колонна приблизилась к месту недавнего боя, один грузовик, очевидно по команде, съехал на обочину и из него высыпались красноармейцы, держа оружие в руках.

Иванов, приказав экипажу, невзирая на прибывшую подмогу, не расслабляться и следить за панами, выбрался из башенного люка наружу и спрыгнул на щебенчатую дорогу. Легкие броневедомоколы, представляющие из себя, по большому счету, слабо бронированные эмки с цилиндрическими пулеметными башенками на крышах, объехали старшего пушечного собрата и остановились впереди него. Причем второй БА-20 выдвинулся параллельно первому и занял встречную полосу движения. Запыленные пулеметчики в синих комбинезонах, они же командиры машин, по пояс высывались из тесных башенок, откинув назад сильновыпуклые круглые люки.

Остановился передний грузовик. Из кабины соскочил на дорогу улыбающийся невысокий круглолицый пехотный лейтенант, ровесник Иванова. Козырнули, представились друг другу и крепко пожали руки. Поговорили. Нежданной подмогой оказалась стрелковая рота из 45-й стрелковой дивизии. Усиленная рота, подкреплённая двумя броневедомоколами и двумя 76,2-мм короткоствольными пушками-полковушками. Командует капитан Проценко. Он в третьей машине. Никаких советских танков лейтенант Карпенко, командир первого взвода, на шоссе между Дубно и этим перекрестком, к сожалению, не встречал.

Подошел серьезный, в отличие от своего улыбочивого лейтенанта, черноусый крепкотелый капитан Проценко. Молча ответил на козыряние Иванова, руку для рукопожатия не протягивал и выслушал краткий доклад. Быстрым широким шагом, переходящим в бег, приблизился еще один командир. Даже не командир, а, судя по большим красным звездам на рукавах, политрук. Старший политрук – по шпале на каждой петлице. Длинный, как жердь, и худощавый, как вобла, но мосластый и жилистый.

– Это вы их так накрошили? – без предисловий и, не представившись, грозно спросил он.

– Мы, – спокойно ответил Иванов, заранее почуявший недовольство политработника.

– А вы знаете приказ, по возможности избегать боестолкновений с поляками?

– Так точно, товарищ старший политрук, – кивнул Иванов. – Знаю.

– Тогда почему нарушаете?

– Товарищ старший политрук, а вы у того броневедомогиля, – лейтенант кивнул в сторону подбитой машины и начал закипать, – останавливались? Пробоины осматривали? А три наших трупа на обочине видели? А четвертого, пулеметчика, бессознательного, с осколком в голове? Мы его пленным полякам на попечение оставили.

– Никифор, – похлопал капитан Проценко своего политработника по плечу, – успокойся. Лейтенант Иванов поступил абсолютно верно и грамотно. Поляки напали первые. Он защищался. Иначе бы там, на дороге, стояло бы два подбитых броневика и лежало восемь трупов. А вот эти вот *замечательные* поляки, с которыми велено «по возможности не воевать», запросто из засады расхренячили бы к такой-то матери и наш отряд. Мы бы и пушки не успели от машин отцепить. (Капитан сам кратко пересказал вредному старшему политруку доклад Иванова).

К удивлению Иванова, старший политрук поправил портупею; одернул под ремнем гимнастерку; крякнул, прочищая горло, и обратился к нему с такими косноязычными словами:

– Ты, это, лейтенант. Ну, ты извини. Не разобрался впопыхах я. А ты, оказывается, молодец. Герой. Это ж надо одним броневедомогилем столько врагов уничтожить. Да еще и две пушки.

– Служу Советскому Союзу, – улыбнулся лейтенант Иванов и отдал честь.

– Ладно, – вступил в разговор капитан Проценко, – заслуги оценивать будем после. Ты мне скажи, лейтенант, а что ты собирался сейчас делать, если бы мы не подошли?

– Атаковать, – пожал плечами лейтенант, как бы удивляясь вопросу. Мол, а что еще мне оставалось?

– Одной машиной вот эту залегшую толпу? – капитан кивнул в сторону вышедших на дорогу поляков. – Их же там сотни две, если не больше.

– Ну, да, – согласился Иванов. – Где-то так. Но из оружия у них только пулеметы остались, винтовки и гранаты. Если к ним не приближаться ближе метров пятидесяти – они нам совершенно не опасны. Я бы их издали давил огнем. Пока бы они не сдались или не разбежались.

– А почему ты просто на месте не ждал подмоги? В одиночку наступать – мало ли, какая неполадка случится – и твоя машина станет.

– Связи с батальоном не было, – пожал плечами лейтенант. – Что вы на подходе – ни сном, ни духом. А просто так на шоссе посреди поля торчать... Когда в четырех сотнях метров две сотни вооруженных врагов залегли, которые уже делали попытку тебя уничтожить... Уж лучше самому их атаковать. Да и, если честно, я, когда посылал к ним парламентаря, надеялся – сдадутся без боя.

– Ясно, – вполне удовлетворился ответом капитан. – Можешь отдыхать, со своим экипажем, пока мы пленными займемся. Или дальше поедешь?

– Мне одной машиной и без связи со своим батальоном дальше ехать – смысла нет.

– Оставайся пока с нами, – предложил капитан. – Будешь для нас очень ценным подкреплением. А со своим батальоном, как связь появится, – определишься. А куда у тебя приказ был двигаться, если это не военная тайна?

– До Луцка дорогу разведать, – не стал скрывать лейтенант. – Какая уж тут тайна, товарищ капитан?

– Так и мы туда направляемся. Присоединишься?

– Так точно и с удовольствием, – улыбнулся Иванов. – А с пленными вы что планируете делать?

– Когда обезоружим, и оружие соберем, оставлю с ними отделение для охраны и отправлю пешим маршем обратно в сторону Дубно, на встречу нашим. А сами – даешь Луцк!

– Там у дороги один мой раненый, пулеметчик. И поляки тоже есть, которые пешком не пойдут.

– Не переживай, лейтенант. Сделаем носилки из польских винтовок и шинелей – и пусть пленные, сменяясь, несут. А там, глядишь, и подводу какую-нибудь у местного населения *одолжим*. Раненых не оставим. Даже польских. Мы ж не фашисты какие-нибудь. Теперь у меня вопрос: тебе раньше уже воевать приходилось? Испания? Монголия?

– Да нет, – покачал головой Иванов. – Вчера первый раз пришлось. Это у меня второе боестолкновение. А, извиняюсь, вам, товарищ капитан?

– В озере Хасан целебные ванны принимал, – усмехнулся в усы капитан и добавил: – В реке Халхин-Гол не смог – другим был занят. А из тебя, лейтенант, если ты мне правильно свой бой описал, надеюсь, толк будет. Правильно все делал. А в гибели своих солдат ты себя не вини. Мы в этом походе приказом связаны: первыми огонь не открывать. Была бы ситуация, как с японцами – первый врага заметил – первым и бей. Возможно, сохранил бы и второй экипаж. А в нынешних условиях ты все сделал правильно. Молодец.

Молодец опять *послужил Советскому Союзу* и добавил:

– Товарищ капитан, пока вы с пленными разбираетесь, я своих бойцов похороню.

– Правильное решение. Возьми в помощь и моих орлов – помогут быстрее могилы выкопать.

Броневик Иванова развернулся на шоссе, на его задние крылья и крышу по приказу капитана забрались четверо стрелков с винтовками, и машина с *орлами* отправилась обратно. Сменяясь, в три лопаты, быстро выкопали на краю поля в мягкой земле три могилы. Тела товарищей завернули в куски брезента, попрощались и похоронили. На свежие холмики положили шлемофоны погибших без гарнитуры танковых переговорных устройств, обнажили головы и дали нестройный залп из наганов и трехлинеек. Хозяйственный Минько прошелся вдоль обочины и где-то раздобыл обломки досок и толстые колья. Обтесал топором, сбил и воткнул эти жалкие временные подобия памятников в мягкую землю. Командир, слюнявя химический карандаш, на обтесанных топором до белизны сторонах досок написал фамилии и даты. Потом отметил место захоронения у себя на карте. Все. Больше они ничего для своих погибших товарищей сделать не могли.

Пока возвращались в голову колонны, Иванову пришла в голову еще одна мысль.

– Товарищ капитан, – обратился он к усатому Проценко, – пока вы еще с пленными не закончили, разрешите мне съездить – проверить позиции артиллерии, что по нам стреляла. Не хочу исправные орудия оставлять, а то еще вдруг кому-нибудь из залетных поляков придет в голову по следующим за нами войскам исподтишка пальнуть.

– Правильно, лейтенант, – тут же согласился капитан, – действуй. И моих орлов опять возьми – могут пригодиться.

И *орлы* опятьгодились. На месте недавнего боя с одной стороны дороги, на поле, в окружении раскиданных тел и рассыпанных пустых снарядных гильз среди неглубоких воронок лежали опрокинутые взрывами искореженные пушки. А с другой стороны, в кювете и на обочине, кроме двух посеченных осколками станковых пулеметов и нескольких убитых, смиренно стояли стреноженные кони, запряженные в открытые фургоны защитного цвета и артиллерийские передки. Армейских повозок было две и передков было тоже два. На каждую повозку приходилось по одной лошади, а на артиллерийский передок – четверка цугом. Боеспособных противников вблизи не наблюдалось. Или убежали по кювету вдоль дороги или в плен пошли сдаваться вместе с остальными. Хотя, нет, несколько лежащих без сознания поляков было ранено и даже перебинтовано.

Иванов с Голошаповым пошли к разбитой позиции артиллеристов, Гурин и Минько остались охранять броневик, а пехотинцы занялись осмотром мертвых и раненных поляков в кювете, лошадьми и телегами.

Низенькие противотанковые пушки удачной системы шведской фирмы «Боффорс» польского производства взрывами и осколками повреждены были весьма основательно: у одной разворотило прямым попаданием гидравлический тормоз отката и посеколо осколками, как минимум, один из пружинных накатников; у второй – отбита шестерня горизонтальной наводки и оторвано колесо. И это не считая более мелких повреждений. В общем, без капитального ремонта эти пушки совершенно не опасны проходящим по шоссе частям Красной Армии. Со спокойной совестью их можно оставить прямо здесь и даже не вытаскивать замки.

Живых и раненых на артиллерийской позиции не оказалось. По биноклю и звездочкам на погонах Иванов определил командира, лежащего лицом вниз. Окровавленный мундир на его спине был пробит осколками в нескольких местах. Иванов снял с него кожаную командирскую сумку, бинокль, отстегнул ремень с большой черной кобурой и, перевернув на спину, обыскал нагрудные накладные карманы френча (документы, письма, фотографии). Подумав, вложил удостоверение и личные вещи мертвому врагу обратно. Зачем ему это брать? Открыл кобуру и достал громоздкий плоский пистолет, отдаленно похожий на советский ТТ, но крупней и тяжелей. И флажков сбоку у него два. Ну, один, скорее всего, предохранитель, который у ТТ отсутствует. А другой-то зачем? Ладно, потом разберемся. На запястье убитого поляка поблескивали то ли хромом, то ли серебром часы, но снять их Иванову даже в голову не пришло. Он вернулся на дорогу, оставив Голошапова собирать оружие убитых.

Пехотинцы тоже занимались делом, они, освободив место, погрузили на одну подводу четырех перебинтованных раненых, а на вторую сносили брошенное оружие. Иванов любопытствовал станковыми пулеметами. Таких систем он еще живую не видел, но в училище о них кратко рассказывали. Пулеметы Гочкиса это. Французы их еще в Империалистическую войну применяли. Здоровенные, однако, и, похоже, довольно тяжелые. Лейтенант с усилием перевернул один пулемет обратно на раскоряченную треногу. Осмотрел: поврежден механизм вертикальной наводки и пробита осколком газоотводная трубка, без ремонта – просто металлолом. Подошел к опрокинутому второму – вроде бы, цел. Напрягшись, поставил и его на ноги: царапины от осколков есть, но серьезных повреждений незаметно. В приемнике болталась выпавшая из своей коробки от близкого разрыва металлическая лента, набитая патронами.

Любознательный к незнакомой военной технике Иванов немного покумекал, подвинул защелку на крышке ствольной коробки, поднял саму крышку и вытащил ленту из приемника. Оттянул рукоять заряжания – на землю выскочил желтый маслянистый патрон; заглянул в патронник – пусто и спустил курок – клац. Захлопнул обратно крышку ствольной коробки и приложился, вроде как, к стрельбе. Конструкция у польского «француза» была довольно непривычная: одна рукоятка внизу, для ведения огня; а другая – овальной дужкой – на затыльнике для наведения на цель. Поворачивался из стороны в сторону этой рукоятью пулемет удобно, хотя, по мнению Иванова, она была и не обязательна: это можно было бы делать и одной нижней. Судя по отсутствию приклада, отдача и тряска при стрельбе должны были поглощаться самим массивным корпусом и трехногим станком. Пять крупных колец радиатора воздушного охлаждения на толстом стволе, очевидно, позволяли длительную стрельбу. Так и подмывало зарядить ленту и опробовать интересный пулемет в работе, но не хотелось будоражить пехоту, занимающуюся пленными. Еще подумают, что на них напали, и тоже палить станут, не дай бог и в их направлении. Поход только начался – успеется.

Лейтенант Иванов подозвал одного из красноармейцев, и они вдвоем, отсоединив длинноствольное тело пулемета от станка, загрузили все его части на повозку с оружием. Не забыли и коробки с патронными лентами. Вернулся нагруженный винтовками, брезентовыми гранат-

ными сумками и кожаными патронными подсумками Голощапов – тоже свалил все добро на подводу. Пора было возвращаться к автомобильной колонне. Среди пехотинцев управлять лошадьми умели только двое. Они сели в повозки с ранеными и оружием. Оставались еще оружейные передки. Бросать не хотелось: на шоссе полно польских раненых – пригодятся. Тогда решили привязать первые пары лошадей артиллерийских упряжек к телегам, а на передки усадить с вожжами в руках остальных двух красноармейцев. Пусть и нет у них опыта возниц, но таким макаром потихоньку до своих доедем.

И доехали. Пленные уже были разоружены, обысканы и строились для пешего марша навстречу Красной Армии. Отдельно лежали забинтованные раненые. Иванова позвал старший политрук:

– Пойдемте, лейтенант, с вами очень хочет поговорить польский майор, командир этого панства.

Подшли к раненым. Лежащий на шинели немолодой польский майор, с перебинтованной под расстегнутым мундиром грудью, сам говорил по-русски, правда, с акцентом.

– Так это вы командовали броневиками? – спросил он, тяжело дыша.

– Я, кивнул Иванов, без ненависти рассматривая того, по чьему приказу были убиты трое его бойцов и чуть не погиб он сам и его экипаж.

– Вы хорошо умеете воевать. И благородно. Я сам служил в русской армии в Германскую войну. Спасибо, что вы не расстреляли со зла пленных и даже распорядились перевязать наших раненых. Знаю, как это бывает в озлоблении после гибели товарищей.

– Благодарить меня не за что, – пожал плечами Иванов, – мы не фашисты – раненых и пленных добивать. Мы красноармейцы. А теперь я спрошу: зачем вы приказали на нас напасть? Ведь вы командовали этим отрядом?

– Да, я был командиром отряда, – кивнул лежавший майор, – и я же приказал вас атаковать. У меня был приказ двигаться маршем в сторону Берестечка, оказывая сопротивление всем, кто попытается меня задержать. Вы двигались мне наперерез и могли помешать. Скажу честно: я считал, что моя противотанковая артиллерия без проблем справится с вами, и мы сможем быстро продолжить движение. Если бы вы вели себя, как командир вашей первой бронемашины – так бы и произошло.

– Ну, извините, – с горьким сарказмом перебил раненого врага Иванов, – что умирать от ваших снарядов не захотел.

– А я извиняться не буду, что погубил ваших людей. Они солдаты – и я солдат. Они должны были понимать, что вторгаясь в чужую страну, могут погибнуть, – и я знал, что обязан выполнять приказ и сопротивляться вторгшимся Советам.

– Глупый и преступный приказ, – высказал свое мнение лейтенант. – Гораздо большее здравомыслие проявили те ваши командиры, кто отдал приказ своим частям и подразделениям временно сложить оружие и сдаться Красной Армии. Могу, основываясь сугубо на личном опыте, уведомить вас о сдаче без боя пехотной роты на шоссе недалеко от границы, сдачи четырех железнодорожных эшелонов с войсками и имуществом возле местечка Мирогощи, сдачи не знаю какого количества войск в городе Дубно. И это только лишь то, что я сам видел.

– Ладно, лейтенант, время нас рассудит: кто прав. Не буду вас задерживать. Честь имею, – лежащий майор слабо козырнул двумя пальцами.

– Товарищ командир, – обратился к вернувшемуся Иванову Голощапов, – часики свои обновить не желаете? – и протянул сияющие хромом часы на широком кожаном ремешке, уже до этого виденные лейтенантом на руке убитого артиллериста.

– С мертвого снял? – посуровел лицом Иванов.

– Да, – кивнул Голощапов. – А что?

– Мародерствовать надумал?

– А это как посмотреть, – пожал плечами радиотелеграфист-пулеметчик, совершенно не чувствующий за собой никакой вины. – Мы того поляка в честном бою убили. Он стрелял по нам – мы по нему. Я ведь не у пленного забрал. А с убитого, не я, так похоронная команда снимет. Вот они так точно помародерствуют. Так чего же добру пропадать? Вы, товарищ командир, пистолетик-то у него вместе с кобурой взяли и считаете это вполне нормальным. Нестыдным. А чем часы от оружия отличаются? Или портсигар? Зажигалка? Мне думается: такие же трофеи. Вот пленных грабить – это не хорошо. Согласен. Им эти вещи еще и в плену сгодятся. А мертвых противников... Тобою же в честном бою побежденных... Вы, товарищ лейтенант, может, не заметили, но орлы-пехотинцы, что нам помогали, втихаря всех убитых обчистили, что там лежали. И ранцы польские прошерстили, и карманы. Еще не повоевали, пороху, можно сказать, не нюхали, а уже ушлые, сразу поняли, как себя надо вести. Они и деньги у них повываскивали. И правильно. Купят себе чего-нибудь. Мы же в Польше. Нам, говорят, и денежное довольствие тоже злотыми дадут.

– И ты деньги взял?

– Вот, командир, – достал из кармана разноцветную тощую пачку Голощапов. – Не себе – для экипажа. В общий котел. Пригодятся. Прикажете выбросить – выброшу. И часы могу выбросить. Или вон пехоте отдам – спасибо скажут и с руками оторвут.

– Ладно, Голощапов, – махнул рукой Иванов. – Логика в твоих словах какая-то есть. Просто не по мне она. Не хочу я их вещей. Оружие – другое дело. А часы, деньги... Не по мне это. Часы можешь себе оставить, у тебя ведь часов не было, или с товарищами поделись. Но у живых поляков, что-либо брать – категорически запрещаю. Это всех касается. И запрещаю у мертвых личные ценности брать: кольца, кресты, медальоны. Не хорошо это. Неправильно. Голощапов, золота-серебра не брал?

– Нет, – не моргнув серым глазом, ответил пулеметчик, имея в кармане золотой медальон мертвого командира-артиллериста. – Не брал. Но портсигары, сигареты, зажигалки забрал – это да. И часы на весь экипаж. Не возражаете?

Иванов махнул рукой:

– Готовьтесь, скоро дальше тронемся.

По приказу капитана Проценко пушечный броневик занял место не впереди колонны, а через два грузовика от начала. Первыми по-прежнему двинулись, но уже на большем расстоянии, два его младших пулеметных собрата.

5. Полуденный привал.

Экипаж Иванова слегка расслабился: едут в составе моторизованной стрелковой ротной колонны, уже не в дозоре, если что – первый выстрел не по ним. Но сам Иванов опять выглядывал по грудь из башенного люка, став ногами на свое сиденье, и периодически подносил к глазам бинокль, высматривая по сторонам очередных притаившихся врагов. Без единого выстрела в полном спокойствии колонна подошла к самому Луцку.

Там их не ждали. Вообще не ждали. На въезде в город не было даже польских патрулей. Ни пеших, ни конных. Советская колонна остановилась. В город своими небольшими силами соваться побоялись. Капитан Проценко выдвинул вперед на шоссе пулеметные броневики; приказал снять с передков оба орудия и, выкатив в поле по обе стороны от дороги, направить в сторону Луцка. Стрелкам было велено спешиться и расположиться двумя взводами вместе со станковыми максимумами перед орудиями, а третьему – за броневиками. Экипаж Иванова капитан оставил в своем личном резерве, возле опустевших полуторок.

– Командир! – внезапно позвал Голощапов. – Бригада на связи! Персов со своими танками задерживается, но на подходе наш второй танковый батальон! Броневики их головного дозора уже Подгайцы прошли. Совсем скоро будут. Живем! О нашем бое они в курсе: пехотинцы, что пленных обратно ведут, им рассказали.

– Николай, – позвал лейтенант Кольку, – ты у нас самый шустрый, сбегай к капитану – порадуешь, что батальон танков скоро прибывает.

Колька сбегал и порадовал. Минут через пятнадцать сзади на шоссе действительно появились, быстро увеличиваясь в размерах, два бронеавтомобиля головного дозора. Еще пять минут – и экипаж Иванова радостно приветствовал товарищей.

Постепенно подтянулись танки. И быстроходные БТ-5 и старенькие медлительные Т-26. Добавилась и пехота из той же 45-й дивизии. И дивизион артиллерии. И тыловые службы снабжения. Еще через полтора часа прибыл и третий танковый батальон почти полным составом. Не хватало только танков Персова, неожиданно посланных комбригом Богомоловым в помощь стрелковой роте соседней дивизии, напоравшейся на крупный польский отряд.

Еще до наступления темноты, командующий польскими войсками в Луцке и его ближайших окрестностях генерал Скуратович без особых уговоров и раздумий согласился капитулировать. Без боя. Перед двумя третями легкотанковой бригады, стрелковым батальоном и дивизионом полковой артиллерии сложили оружие около 9000 человек. Положа руку на сердце, в основном, это были тыловые части, спешно строящие рубеж обороны от наступающих германцев по реке Стырь к западу от города. Обороняться от Красной Армии с востока они не готовились и героически погибать во главе со своим командующим не собирались.

К утру прибыл и задержавшийся в пути поредевший на несколько танков (технические неисправности, воевать так и не пришлось – поляки сдались без боя) батальон майора Персова. Комбат лично выслушал доклад Иванова, как должное принял гибель экипажа Сердюка (мы на войне, как ее не называй: хоть «Миротворительный поход», хоть «Заграничное путешествие»), скупое (тоже, как за само собой разумеющееся) похвалил за умелые действия и поставил новую задачу: взять снова под свою команду оставшиеся четыре бронеавтомобиля собственного взвода и двигаться впереди бригады по шоссе в сторону Владимира-Волынского. Но не в одиночку: его бронеавтомобильный взвод в составе пяти машин прикомандировывается к уже знакомой ему усиленной стрелковой роте под командованием капитана Проценко. И подчиняется лейтенант Иванов, естественно, старшему по званию. Так в штабе корпуса решили. Дозаправить и проверить технику. В 8.00 колонна строится. В 8.30 выступает. Выполнять – есть, выполнять.

Лейтенант Иванов собрал командиров своих бронемашин, поделился с ними личным боевым опытом (остальные экипажи пока еще в боестолкновениях не участвовали – так уж им повезло) и напомнил тактику борьбы с артиллерией и пехотой. Потом уже вместе с капитаном Проценко договорились о построении совместной маршевой колонны и условились, как реагировать на различные ситуации в пути. Устав – уставом, а опыт и здравый смысл еще никто не отменял.

Тронулись наутро в назначенное время. Прошли плотной колонной по сдавшемуся на милость Красной Армии Луцку. Жители на улицах были. Некоторые улыбались и приветливо махали руками, но большинство смотрело настороженно, не зная, каких перемен им ждать от внезапно вторгшихся Советов. Высунувшиеся из башен командиры броневиков и пехота в открытых кузовах полуприцепов с любопытством осматривались по сторонам и с радостью десятикратно отвечали местному населению на малейшие проявления дружелюбия.

Вышли за город, увеличили интервалы и скорость. На запад! Оба легких пулеметных броневика (один радиальный) пустили в головном дозоре в полукилометре перед своим сборным отрядом. Непосредственно саму маршевую колонну возглавили два пушечных броневика, еще два шли в арьергарде, после двух пушек на автомобильной тяге, а командирская машина лейтенанта Иванова следовала за грузовиком капитана Проценко (самому Иванову это не понравилось, но капитан настоял).

Совершенно спокойный марш без обстрелов и засад. Встающее все выше сентябрьское солнце в почти безоблачном небе, темнеющие убранные поля по обе стороны от шоссе, редкие лесочки и рожицы вблизи или вдаль, сады и непривычно ухоженные села. Небольшой городишко Торчин. Это вам не село: тут и улицы мощеные булыжником и щебнем и дома больше чем одноэтажные. Пулеметный дозор, как и было условлено, дождался основные силы у въезда. Уменьшили интервалы между машинами и осторожно зашли в еще мирно живший тыловой (для германского нашествия) город.

Военные не встречались, но полицейских видели. Двое в темно-синей форме просто стояли на тротуаре и спокойно смотрели на проходящую чужую армейскую колонну. Не убежали, но и не приветствовали. Некоторые из жителей, как и в Луцке, улыбались и приветливо махали руками. Но их, как и в Луцке, было меньшинство. Разведывать обстановку в Торчине им не поручалось, порядок наводить – тоже. Их дело, по возможности без боя, дойти засветло до Владимира-Волынского.

Полдень. Пора сделать привал: дозаправить технику (отряду был придан бензоаппарат) и покормить личный состав. В чистом поле капитан Проценко располагаться не захотел (днем солнце палило еще по-летнему) и велел головному дозору остановиться и подождать отряд в небольшом лесочке, который он заранее приметил на карте. Удобнее было бы сделать привал на улицах Торчина, но капитан решил перестраховаться. В тесной городской застройке, по его мнению, на них было бы удобно напасть. Зачем рисковать?

Вошли в намеченный лесок, деревья теснились с двух сторон от шоссе метрах в десяти-пятнадцати, но тени практически не давали: солнце зашло почти в зенит. Приблизились к уже остановившимся пулеметным броневикам и уплотнили колонну почти вплотную, оставив буквально по метру-двум между машинами. Привал. Капитан разрешил личному составу, не занятому дозаправкой транспорта, оправиться и пообедать под деревьями, не отходя далеко от дороги. Водители остались при машинах: и для дозаправки, и для охраны. Лейтенант Иванов, обладая определенной автономией в отряде, велел своим экипажам от броневиков не отлучаться. Отходить – размяться и оправиться – можно лишь по одному человеку от экипажа. И еще один обязательно дежурит в открытом люке башни, вертя головой по сторонам. Территория все-таки чужая, неразведанная. Мало ли, вдруг еще, какой *пан майор* напасть задумает.

Пехотинцы же обрадовались привалу и разбрелись вправо вдоль колонны в слабенькую тень под деревья. Походной кухни в колонне не было; красноармейцы составили винтовки в козлы, запалили из собранного хвороста небольшие костерки и принялись кипятить в котелках чай и разогревать жестяные банки с мясными и рыбными консервами. Обед. Бензозаправщик, ехавший в конце колонны после артиллеристов, вначале занялся заправкой арьергардных броневиков. Когда он приступил к заправке второй машины, сзади, из-за правой кромки леса, тихо появились верхоконные поляки в касках и двинулись к советской колонне между неглубоким пологим кюветом и деревьями. По четыре в ряд. Молча. Слегка привставая на стременах под лошадиный шаг. Приближаясь, ускорились. Перешли на рысь. И все молча. По команде достали из-под левых бедер сверкнувшие на солнце сабли. Понеслись. В первые мгновения никто по ним не стрелял.

Многие красноармейцы их появление вообще не заметили, а кто увидел, по неопытности не понял опасности. Никто не то, что не стрелял, даже не убежал. Как кролики перед удавами. Поляки атаковали не только вдоль шоссе справа – более редкой рассеянной лавой они обрушились на колонну из-за деревьев слева. Эти сабли не обнажали – пан ротмистр им заранее приказал вначале действовать ручными гранатами и пистолетами.

Одной небольшой яйцеобразной гранаты с гладким корпусом, брошенной под бензозаправщик, за глаза хватило, чтобы рванул не только он, но и управляемый им в этот злополучный момент пушечный броневик. Правда, чрезмерно мощной огненной вспышкой убило и самого верхоконного гранатометчика и разметало несколько проскакивавших с другой стороны вблизи с саблями наголо улан.

Последняя в колонне бронемашинка уцелела, но ненадолго: еще один подскакавший всадник метко вкинул ей свою гранату с выдернутой чекой прямо в открытую водительскую дверцу (заправив только что свой броневик, водитель, как раз, отошел в лесок по нужде). От гранаты детонировали бензобаки и снаряды в боеукладке – огонь громко полыхнул из обеих распахнувшихся дверей и откинутого вверх башенного люка, кое-где разошлись даже сварные швы, и вспучилась пробитая изнутри осколками снарядов броня. Пригнувшийся к седлу улан успел за время горения запала гранаты отскочить вперед по ходу движения колонны и, к собственному удивлению, не пострадал, чего нельзя было сказать о почти десятке его товарищей, пробитых железом или сброшенных с седел взрывной волной, и их лошадях.

Всадники в касках с пистолетами и револьверами в руках, атаковавшие колонну слева, подскакивали к грузовикам и с близкого расстояния расстреливали шоферов грузовиков, спешно, но, в большинстве своем, неумело хватающихся за карабины. Магазины, как у караульных, у всех у них были заполнены четырьмя патронами – пятые при зарядании дослааны в стволы. Но у большинства поставленное на тугой предохранитель оружие или лежало на соседнем сиденье, или прислонялось рядом. Многие шоферы вообще вышли безоружными на дорогу – размять ноги.

На всем протяжении от конца колонны до броневика лейтенанта Иванова только седоусый, видно, где-то и когда-то успевший повоевать немолодой шофер, сидящий в кабине, при первых же выстрелах успел схватить свое заряженное оружие; оттянул сильными заскорузлыми пальцами тугую неудобную пуговку курка назад; повернул вправо и отпустил, снимая карабин с предохранителя. Привычным движением, не волнуясь, расторопно выставил короткий ствол в левое опущенное окно, плотно прижав приклад к плечу. Почти не целясь, выстрел в грудь выскакивающему на дорогу улану, палящему в него на скаку из пистолета. Насквозь пробитый пулей улан, бросив поводья, откинулся в седле назад, застряв ногами в стременах.

Седоусый моментально передернул рукоятку затвора, выбросив еще горячую гильзу на пол кабины и обратным движением дослав следующий патрон в ствол. Слева в окне, врагов видно не было – все уже успели выскочить на шоссе. Он рычагом поднял заскрипевшее лобовое

стекло горизонтально, прицелился в спину всадника, безнаказанно расстреливающего переднего шофера и одним удачным выстрелом в спину сшиб его с коня. Опять перезарядил.

Еще дальше, через грузовик от седоусого шофера, стоял броневик. Похоже, экипаж вовремя успел изнутри задраить дверцы и башенный люк. Поляки крутились вокруг на брызжущих пеной каурых конях, двое даже успели забраться на крышу и башню. Они били дулами карабинов и окованными железом прикладами в закрытые бронестеклами заслонки и цилиндр панорамного перископа, пытались стрельнуть внутрь корпуса через круглые отверстия в башне. Один улан быстро отторочил от седла свою шинель и бросил скатку товарищу наверх. Тот одним взмахом ее расправил и накинуд на башню, частично закрыв обзор экипажу.

Седоусый двумя быстрыми выстрелами очистил верх броневика от нападающих. Пятый выстрел, без промаха, – в нижнего улана, поделившегося своей шинелью. По давней привычке, считавший свои выстрелы шофер, не делая ни одного лишнего движения, выбросив стреляную гильзу и оставив затвор открытым, отстегнул клапан поясного подсумка; достал полную обойму; вставил ее в пазы ствольной коробки; преодолевая легкое сопротивление подающей пружины, выдавил большим пальцем все патроны в магазин; выронил на пол пустую жестянку обоймы; обхватив шарик рукоятки затвора, двинул вперед до упора, загоня верхний патрон в ствол и взводя боевую пружину; повернул рукоять вниз; вскинул приклад к плечу, наводя на очередного кавалериста, и задержал палец на спусковом крючке. Подскакавший сзади улан хищно улыбнулся и, подняв руку с массивным черным пистолетом, нацелил его через опущенное левое стекло прямо ему в лицо меньше, чем с полуметра. Развернуть карабин или еще как-то отреагировать седоусый не успевал. Испугаться не успел тоже. Неожиданно откуда-то сзади спасительно зататакал таким родным в его безнадежном положении голосом пулемет Дегтярева и всадник, простреленный в спину короткой очередью, уже смертельно раненным рухнул на гриву своего коня.

Седоусый застрелил намеченного секундой раньше верхоконного поляка у броневика, перезарядил карабин и бросил взгляд в наружное зеркало. В кузове задней полуторки стоял, пригнувшись, с пулеметом в руках веснушчатый парнишка в танкистском шлеме и синем комбинезоне. Расстреляв поляка, парнишка опустил ручной пулемет прикладом в пол кузова и торопливо откидывал сложенные под дырчатым кожухом сошки. Чьи-то пули застучали по капоту полуторки седоусого справа. Очевидно, заодно с капотом поляки пробили и правое переднее колесо – машина плавно осела в ту сторону.

Передний броневик внезапно дернулся, пыхнул влево сизым дымом из глушителя и начал выезжать на встречную полосу движения. От него дернул коня вбок гарцующий рядом улан. Дернул, но спастись не успел. Берущая разгон тяжелая машина ударила бронированным капотом коня в туловище и легко опрокинула наземь. Левая нога поляка оказалась придавленной; конь бился, бешено лягаясь копытами. Броневик, не обращая внимания на рухнувшего всадника, продолжал разгоняться, натужно ревя мотором. Короткая пулеметная очередь сзади и уже никто из-под коня выбраться не пытается.

Седоусый опять глянул в наружное зеркало: веснушчатый паренек уже поставил растопырившийся сошками пулемет на крышу полуторки и лупил куда-то короткими очередями. Старый солдат откинул левую дверцу, быстро осмотрелся по сторонам и, не заметив поблизости обращающих на него внимание врагов, спрыгнул на дорогу. Он решил присоединиться к своему молодому спасителю: своя машина уже не на ходу, а вместе с бойким парнишкой выбираться из этой передраги будет легче.

Уланы, на рысях с саблями наголо атаковавшие отдыхающих в тени пехотинцев по не больше чем пятнадцатиметровой травяной полоске между кюветом и лесом, первую часть плана своего ротмистра выполнили почти на отлично. Красноармейцы были, можно сказать, безоружны. Мало кто успел выхватить винтовку из козел, еще меньше успели их зарядить

из обойм. Передние ряды улан просто мчались вперед вдоль замерших машин, не отвлекаясь на рубку. Их задачей было поскорее добраться до головы колонны. Следующие за ними ряды постепенно сворачивали вправо, стаптывали захваченных врасплох русских лошадьми или наотмашь пластали саблями по чем попало.

Бойцы, отдыхая, снимали каски, оставшись в пилотках, и шинельные скатки с ранцами; винтовки с порожними магазинами стояли в козлах; из оружия под рукой у большинства оказались только надетые на поясные ремни чехлы с игольчатыми штыками и малыми пехотными лопатками – они были легкой добычей. Поляки рубили почти безнаказанно, безжалостно и умело. Кто-то из красноармейцев пытался, выхватив из козел первую подвернувшуюся трехлинейку, зарядить ее обоймой, или просто размахивать, как дубиной; кто-то пробовал защититься неудобным для хвата рукой игольчатым штыком без ручки или лопаткой. Но остановить сабельную атаку кадровой кавалерии им было не по силам. Многие легли мертвыми или ранеными под копыта одномастных каурых лошадей. Оставшиеся в живых красноармейцы, в большинстве своем еще не обстрелянные, в панике и ужасе без оружия драпанули в лес.

Их ротный командир, капитан Проценко, когда все началось, сидел у костра с бойцами второго взвода. Его наган был при нем, в кобуре. Как командир отряда, он в эти считанные секунды нападения уже ничего поделать не мог (или не сумел). Молча скачущие с саблями наголо враги; оглушительные огненные взрывы в хвосте колонны; беспорядочная трескотня одиночных выстрелов; взрывы и в голове колонны; пулеметные очереди. Капитан, в прошлом году успешно повоевавший у озера Хасан, не то, чтобы растерялся, но управление своим сводным отрядом полностью утратил. Теперь он был просто одиноким бойцом, вооруженным только личным револьвером и желающим если и не выжить, то прихватить с собой на тот свет побольше врагов.

Выхваченный из кобуры наган наскაკивающему всаднику в грудь – бах! Увернуться от его коня с завалившимся назад в седле простреленным хозяином. Еще один занес саблю – бах! Мимо. Увернуться. Еще два выстрела: бах, бах! Готов. К машинам не пробраться – верхоконные сплошной стеной отжимают к лесу. Отступать, отстреливаясь. Бах! Бах! Бах! Бах! Клец. Клец. Патроны кончились – перезарядить некогда. В лес. А там – посмотрим. Тяжелый уже измаранный красноармейской кровью клинок польской сабли в руке рядового улана развалил голову капитана Проценко вместе с фуражкой почти до подбородка на две половинки, как переспевший арбуз.

Старший политрук по имени Никифор и по фамилии Матвеев решил во время привала повысить политическую сознательность личного состава роты и рассказывал, бессовестно мешая пищеварению ближних к нему красноармейцев, о сложном международном положении в Европе. Во время своей нудноватой лекции он стоял лицом к лесу возле составленных в козлы ружей и всю жестикулировал длинными мосластыми руками. Услышав приближающийся справа стук многочисленных копыт и увидав открывшиеся в изумлении рты сидящих перед ним бойцов, он повернулся, первый сориентировался и громко заорал:

– В ружье!

Сам схватил чью-то ближайшую винтовку из козел, неаккуратно завалив на землю остальные, и нервно передернул затвор, забыв, что магазин пуст. Оглушительно загрохотали взрывы, перемежаемые беспорядочной трескотней выстрелов. Первые ряды улан с уже вздетыми для рубки клинками пронесли мимо. Старший политрук вскинул приклад к плечу и вхолостую клацнул взведенным курком – щелк. Подсумков с обоймами винтовочных патронов политработнику по штату не полагалось; наган спрятан в застегнутой и отодвинутой для удобства назад по ремню кобуре; подскакивающий усатый улан уже занес зловеще сверкающую саблю и выщерил в хищной улыбке прокуренные желтые зубы; в руках, можно сказать, не очень удобная дубинка. Но жить-то хочется. Даже старшему политруку. С умирать «за Родину,

за Сталина» можно и погодить. Пусть прежде него враги сдохнут. И как можно больше. Никифор Матвеев был высокий как жердь и худой как вобла, но жилистый и мосластый. Силенкой его, бывшего зауральского крестьянина, бог (которого, по нынешнему мнению Никифора, и нет вовсе) не обидел.

Поляк еще не успел опустить свою блестящую саблю, а старший политрук с высокой нескладной фигурой уже мощно двинул его наотмашь прикладом, окованным 3-мм железным затыльником, в лицо под каску, держа винтовку одной рукой за дуло возле мушки, а другой рядом за тонкое цевье. Улан, моментально потеряв сознание и утратив целостность лицевых костей черепа, откинулся назад и слетел с седла, запутавшись левой ногой в стремя. Его лошадь, не сбавлявшая шаг, потянула обеспамятвшее окровавленное тело хозяина по траве. За откинутой назад рукой на кожаном темляке волочилась так и не изведавшая комиссарской крови сабля.

Следующий кавалерист задумал попросту стоптать строптивного, посмевшего сопротивляться русского своим мощным конем. Никифор по наитию сделал шаг вправо, спасаясь, как от копыт вставшего на дыбы здорового животного, так и от сабли его наездника и прямым ударом двинул железным затыльником приклада улану в живот под левую руку, натягивающую узду. Улан согнулся, потеряв дыхание; опустил, едва не выронив, без удара саблю и проскакал мимо.

Третий наскочивший рубака саблю опустить успел, но Никифор успел тоже. Он подставил под падающий тяжелый клинок свою винтовку, держа ее уже растопыренными руками за тонкое цевье и шейку приклада. Сабля легко перерубила верхнюю ствольную накладку, но остановилась на скрытом под ней стволе, смяв свое острие в месте мощного соприкосновения. Несдерживаемый всадником конь пронесся дальше – враги расстались.

Почти сразу со спины промчался на рысях четвертый – старший политрук его не заметил. Никифор в это время уже приметил себе другого быстро приближающегося противника и стал опускать винтовку вниз для замаха. В этот момент улан, проскакивающий у него за спиной, на ходу опустил свою тяжелую саблю, метя в голову. Оба: и улан и Никифор – немного не рассчитали. Никифор не видел поляка. Но и поляк нанес удар еще до того, как винтовка в растопыренных над головой руках красного комиссара опустилась вперед в полной мере. В результате польский клинок своей передней четвертью основательно запнулся о стальную казенную часть трехлинейки; слегка выщербнулся; основательно потерял свою скорость и, с остатком силы, походя, да еще и чуть повернувшись плашмя, тукнул старшего политрука по темени. Ослабленный удар слегка притупившейся и повернувшейся сабли все же рассек комиссарскую фуражку и кожу головы, но остановился на крепком черепе, только слегка повредив кость и лишив Матвеева сознания. Не сдерживавший коня улан пронесся мимо падающего под копыта следующих всадников комиссара в полной уверенности, что он его таки зарубил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.